

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Руководитель магистерской программы ВМ.5543.2014 «История»
д.и.н., проф. Федоров С.Е.

Председатель ГЭК,
д.и.н. Алексеев А.И.

_____ / _____

_____ / _____

**ПЕТРОГРАДСКИЙ/ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ В 1917-1929 гг.**

Диссертация

на соискание степени магистра по направлению 46.04.01 «История»

магистерская программа ВМ.5543.2014 «История»

Рецензент:

к.и.н., научный сотрудник отдела
современной истории России
СПБНИИ РАН Ярмолич Ф.К.

_____ / _____

Выполнил:

студент
Петров В.В.

_____ / _____

Работа представлена в комиссию

«__» _____ 20__ г.

Секретарь комиссии:

_____ / _____

Научный руководитель:

д.и.н., профессор
Ходяков М.В.

_____ / _____

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение	3
Глава I. Петроградский университет в годы революции и Гражданской войны.....	13
Глава II. Петроградский-Ленинградский университет в 1922-1925 гг.	40
Глава III. Ленинградский университет в 1925-1929 гг.....	55
Заключение.....	73
Список использованных источников и литературы	77
Приложения.....	92

Введение

История образования и, в частности, высшей школы России при советской власти является, на наш взгляд, одной из самых сложных тем для исторического исследования. Сложность проистекает не от бедности источниковой базы и историографии, но, напротив, – от многообразия первого и второго, объять весь их спектр – задача чрезвычайной трудности. Сложность заключается и в многоплановости объекта исследования: изучать историю высшей школы, особенно в постреволюционный период, в отрыве от истории науки, культуры, социально-экономических и политических условий, внутри- и внешнеполитической ситуации решительно невозможно. Каждая из упомянутых отраслей представляет собой колоссальный историографический пласт, изучение которого для плодотворной работы совершенно необходимо.

Изучение истории высшей школы в советском государстве, ее сложных отношений с советской властью, особенно в период 1917 – 1920-х и 1930-х гг., пользуется неослабевающим интересом среди как российских, так и зарубежных исследователей. Работы, посвященные преобразованию российской высшей школы в советскую, начали появляться практически одновременно с воплощением в жизнь планов и установок большевиков. Начальный период историописания был в меньшей степени подвержен влиянию политической конъюнктуры, благодаря чему в первые годы советской власти имел место известный плюрализм оценок проводившихся преобразований, делались указания на откровенную неудачность некоторых из них, отражались глубокие противоречия внутри самого Наркомпроса, отмечалась сложность социального состава и политического облика высшей школы, что «объяснялось не только относительной свободой отечественной науки в первые годы существования большевистского режима, но и тем, что исследованиями занимались непосредственные участники былых событий, основываясь в том числе и на собственном опыте».¹ С.О. Шмидт заметил, что «до насильствен-

¹ Камчатнов Г.А. История высшей школы и университетов России XIX – начала XX веков: периодизация историографии проблемы // Преподаватель. XXI век. 2008. № 3. С. 72.

ного насаждения в 1930-е годы единогласия в науке имело место многообразие исторических взглядов, а также представлений о путях поиска исторической истины».²

Впоследствии, когда демократизм в партии сошел на нет и попытки критики мероприятий государственной власти и Коммунистической партии, указания на наличие других путей развития стали расцениваться как «анти-советские вылазки», а прямые идеологические противники большевиков по тем или иным причинам были вынуждены замолчать, все пореволюционные преобразования освещались лишь в санкционированном властью свете, причем партия и ее вождь И.В. Сталин присвоили себе право единственно правильного толкования истории,³ словом, произошло «искривление исторического и историографического пространства»:⁴ «стал невозможен плюрализм мнений, утверждались цитатнический догматизм, комментирование цитат как форма «исследований», и история откровенно политизировалась».⁵ Никакая критика, за исключением «вредительской деятельности врагов народа» и отдельных несущественных недочетов деятельности советских и партийных органов, была невозможна.⁶ Очень точно суть этой историографической проблемы выразил М.В. Ходяков, подчеркнув факт превалирования государственно-партийных интересов над научным знанием, что «не могло не сказаться на подходах авторов к разрабатываемой теме и на постановке ряда принципиальных вопросов, суть которых на известных этапах развития об-

² Шмидт С.О. К изучению истории советской исторической науки 1920-1930-х годов // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 2007. С. 130.

³ См. по этому вопросу, напр.: Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 84-102; Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 40-42.

⁴ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 9.

⁵ Шмидт С.О. Указ. соч. С. 134.

⁶ Напр.: «Извращения, ошибки, которые были разоблачены Центральным Комитетом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) ... препятствуя развитию школы на отдельных этапах, все же не могли, конечно, остановить ее огромного количественного и качественного роста» (Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М., 1948. С. 3).

щества в значительной степени выхолащивалась, сводя на нет смысл исследования».⁷

После XX съезда КПСС и начала «оттепели» идеологический гнет несколько смягчился, однако власть не могла допустить возможности полностью независимого изучения прошлого, выпустить монополию на толкование истории из своих рук. Курс на «восстановление» «ленинской концепции» исторического процесса не привел к качественному пересмотру историографии; продолжалось замалчивание масштабов ущерба, нанесенного высшей школе, деформации образовательной системы (особенно гуманитарного знания), разгрома и идеологизации науки. Уже в постперестроечное время В.А. Шишкин отметил, что «в 60-70-е годы ... историкам негласно или открыто предписывалась обязательность рассматривать события и явления ... прежде всего с так называемой классовой точки зрения, с учетом тех догм и схем, которые «рекомендовались» партийно-государственными структурами».⁸ Ю.Н. Афанасьев резко отозвался о большинстве работ того времени, как о строго дозированно иллюстрирующих положения «классиков марксистской мысли» некоторыми историческими примерами.⁹ Советские историки второй половины 1960-х – 1980-х гг. стремились максимально осторожно показать объект исследования, обходя острые углы и затушевывая резкие, дискуссионные моменты. Результатом такого подхода становилась примитивизация исторического процесса, превращение его в лубок, раз от разу пересказываемый с помощью одних и тех же, раз и навсегда затверженных формул. Вместе с тем, нельзя упускать из внимания слова Б.А. Романова (в передаче Р.Ш. Ганелина): «Историки писали и печатались. Приспособленчество всегда считалось дурным качеством, но приспособливаться было необходи-

⁷ Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917-1920 гг. СПб., 2001. С. 34.

⁸ Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии / Редкол.: Р.Ш. Ганелин, В.А. Шишкин, А.И. Рупасов и др. СПб., 1994. С. 4.

⁹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография: сб. ст. / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 7, 21, 25-28, 30-31, 37.

мо, если уж Вы стали профессиональным историком».¹⁰ Нельзя, впрочем, отрицать значительного расширения тематического спектра исследований и их источниковой базы. Происходило накопление фактологического материала, велась широкая исследовательская работа в доступных архивных фондах.

Послабление наступило лишь в годы «перестройки». Именно тогда, а впоследствии и в 1990-е гг. на волне шквального интереса к истории, введения в научный оборот недоступных ранее сведений, масштабного рассекречивания архивных фондов, рождается историография, совершенно по-иному оценивающая как приход большевиков к власти, так и их политику, в том числе и в отношении высшей школы.¹¹ Одновременно отечественные исследователи и читатели получили широкий, практически неограниченный доступ к материалам, долгое время находившимся в практически недоступных хранилищах спецхранов, а также зарубежной историографии. Еще в 1994 г. Н.Н. Смирнов отметил, что мнения зарубежных исследователей «не всегда совпадают с теми, что годами преобладали в отечественной литературе, подчас они бывают диаметрально противоположными, но, тем не менее, требуют к себе пристального внимания и скрупулезного анализа».¹²

Эмигрантская историография науки и высшей школы советского государства также несет на себе идеологический отпечаток, однако диаметрально противоположного советской свойства. Значительная часть работ пострево-

¹⁰ Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. С. 14. (См. также там же с. 9-16, на которых Р.Ш. дает развернутый очерк этого явления.)

¹¹ См., напр., развернутый очерк проф. Питера Конечны (Карлтонский университет, Канада) о новых направлениях (преимущественно зарубежной) историографии, получивших широкое развитие в указанный период: Konecny P. Builders and deserters: students, state and community in Leningrad, 1917-1941. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 9-13.

¹² Смирнов Н.Н. Первые шаги советского просвещения в современной французской историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии... С. 85.

люционной эпохи имеет откровенный характер реквиема по российской высшей школе.¹³

Отдельный крупный вид источников представляют опубликованные и неопубликованные источники личного происхождения: воспоминания, мемуары, дневники, также широко использованные в настоящей работе. Тем более ценны эти свидетельства оттого, что «террор сталинской эпохи вообще отвратил основную часть образованного общества от писания искренних дневников, писем и воспоминаний»,¹⁴ поскольку «дневники, в которых искренне выражались мысль и душа, несли в себе роковую опасность: за них арестовывали, ссылали и даже расстреливали».¹⁵ Так, использованы были воспоминания и дневники И.А. Боричевского, С.А. Пионтковского, П.А. Сорокина, С.Б. Веселовского, Е.С. Вентцель (И. Грековой), С.Э. Фриша, И.В. Егорова, М.Б. Рабиновича, Н.И. Гаген-Торн, И.Б. Збарского, В.Р. Лейкиной-Свирской, в той или иной мере имевших отношение к высшей школе в 1920-е гг.¹⁶

¹³ Жаба С.П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж, 1924; Московский университет 1755-1930: Юбил. сб. Изд. Париж. и Праж. Ком. по ознаменованию 175-летия Моск. ун-та / Под ред. проф. В.Б. Ельшевича и др. Париж, 1930, и т.д.

¹⁴ Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М., 2009. С. 35.

¹⁵ Збарский И.Б. Объект № 1. М., 2000. С. 97.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 93. Ед. хр. 2, 3; Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань, 2009; Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. А.В. Липского. М., 1992; Sorokin P.A. Leaves from a Russian Diary. N.Y., 1924; Веселовский С.Б. Разгром Московского университета в 1919-1920-х гг. // Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI. [Б.м.], [б.г.]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.airo-xxi.ru/2010-03-28-17-40-45/379--1919-1920-> (10 апреля 2016 г.); Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения / Сост. Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн. М., 2007; Фриш С.Э. Воспоминания о Ленинградском университете в первые годы после революции (1918-1924) // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 3 / Редкол. С.Н. Валк, В.В. Мавродин, Н.Г. Сладкевич и др. Л., 1968. С. 92-108; Гаврилова О.А., Петров В.В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский/Ленинградский университет 1918-1931 гг. в воспоминаниях И.В. Егорова // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 227-256; Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996; Гаген-Торн Н.И. Мемория / Сост. Г.Ю. Гаген-Торн. М., 1994; Збарский И.Б. Указ. соч.; Лейкина-Свирская В.Р. Из далеких годов / публ. И.В. Селивановой, комм. О.Н. Ансберг // Из истории русской интеллигенции. Сб. матер. и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / сост. О.Н. Ансберг, Л.А. Булгакова, И.В. Селиванова; отв. ред. Р.Ш. Ганелин. СПб., 2003.

Особняком стоит сборник «На штурм науки. Воспоминания бывших студентов Факультета общественных наук Ленинградского университета».¹⁷ Значимость его отражена уже в аннотации: «Статьи сборника раскрывают ... создание ... в Петроградском университете факультета общественных наук, ставшего центром подготовки марксистских кадров». Тематически этот сборник является уникальным в своем роде.

Источниковая база исследования обширна и основывается, главным образом, на материалах архивов Санкт-Петербурга. Наиболее значимый пласт информации отложился в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Зачастую не фигурирующие в других источниках сведения отложились в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), в частности, использованы были документы фонда 984 (Первичная партийная организация ЛГУ им. Жданова). Ценные сведения, касающиеся списочного состава студенчества, а также профессорско-преподавательского состава и работников университета, были почерпнуты из фондов Объединенного архива Санкт-Петербургского государственного университета (ОА СПбГУ), а также Архива Музея истории университета (АМИ СПбГУ). Весьма существенным оказался вклад Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПбИИ РАН), Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).

Среди причин, способствующих интересу к изучению истории высшей школы в наши дни, на наш взгляд, следует назвать, **во-первых**, коренную перемену отечественной исторической парадигмы. Появилась широкая возможность практически неограниченного обращения к архивным материалам, в том числе бывшим в течение весьма длительного времени недоступными для рядовых исследователей и тем более широкого круга читателей. Стал допустимым немислимый прежде широкий спектр мнений, в том числе и по

¹⁷ На штурм науки. Воспоминания бывших студентов Факультета общественных наук Ленинградского университета / Под общ. ред. В.В. Мавродина. Л., 1971.

поводу методов и результатов политики советских и партийных органов в отношении российской науки и высшей школы. **Во-вторых**, история образования и науки в советском государстве, несмотря на богатство спектра научных исследований, все еще имеет немало белых пятен. Одной из досадных лакун остается недостаток исторических исследований, посвященных всестороннему изучению прошлого российских вузов. Весьма остро ощущается недостаток обобщающих работ, рассматривающих и сопоставляющих действие поветрий революционного лихолетья и проблемы проведения преобразований новой власти в различных учебных заведениях и регионах страны. **В-третьих**, и в настоящее время продолжается мучительный поиск путей развития системы образования и организации науки в постсоветской России. Очевидно, что для успешного и эффективного реформирования высшей школы необходимо если не извлекать уроки из опыта советской власти в этой сфере, то хотя бы иметь такой опыт в виду.

Хронологические рамки настоящей работы продиктованы логикой исторического развития политики советской власти в отношении науки и высшей школы в той мере, в какой она отражалась на жизни Петроградского/Ленинградского университета. В качестве стартового рубежа исследования были избраны события октябрьского 1917 г. переворота, которые ознаменовали принципиальную смену государственной политики. Безусловно, нельзя было выпустить из внимания и события более раннего времени, напрямую обусловившие те трудности, с которыми пришлось столкнуться – с одной стороны, большевикам, с другой стороны – высшей школе – в годы реализации новой политики. Конечный рубеж – 1929 г. – выбран нами по ряду обстоятельств. Во-первых (и главным образом по этой причине), в 1930 г. последнего на тот момент выборного ректора Ленинградского университета М.В. Серебрякова сменил назначенный Главпрофобром Н.Ю. Никич (Никич-Криличевский), заместитель уполномоченного Наркомпроса по вузам,

рабфакам, научным и музейным учреждениям Ленинграда.¹⁸ Переход от многотрудных выборных кампаний к прямому назначению означал выход политики государства в отношении высшей школы на принципиально новый уровень. В немалой степени такой переход был возможен с началом «серьезных изменений в реализации государственной научной и образовательной политики», повлекших отставку условного «либерала» А.В. Луначарского с поста наркома просвещения.¹⁹ (Л.В. Иванова тактично отметила, что «устранение его с поста наркома в 1929 году нельзя, по-видимому, объяснить только состоянием здоровья».²⁰) Во-вторых, именно на рубеже 1920-х – 1930-х гг. начинается массивное наступление на старую интеллигенцию (особенно научную), фабрикуется череда «дел», направленных в первую очередь против «буржуазных спецов», академических ученых и вузовской профессуры. Изменяется структура государственных органов управления высшей школой: ликвидируется Главпрофобр и управление его уполномоченного в Ленинграде, а Ленинградский университет переходит в ведение Комитета по делам высшей школы, подчиненного уже непосредственно Совнаркому.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что автором была впервые сделана попытка комплексного исследования истории Петроградского/Ленинградского университета в указанных хронологических рамках с привлечением впервые введенных в научный оборот источников и в контексте общей общественно-политической и экономической ситуации в государстве, а также самом Петрограде/Ленинграде.

Цель настоящей работы – исследовать историю Петроградского/Ленинградского университета в 1917-1929 гг. в контексте общегосудар-

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 2. Д. 327. Л. 1, 5.

¹⁹ Глухарев Н.Н. К вопросу о деятельности А.В. Луначарского на должности председателя Ученого комитета ЦИК СССР (1929-1933) / Наследие А.В. Луначарского. Электрон. дан. [Б.м.], 2011. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/o-deatelnosti-a-v-lunacharskogo-na-dolznosti-predsdatela-ucenogo-komiteta-cik-sssr> (10 апр. 2016 г.)

²⁰ Иванова Л.В. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / Науч. ред. д.и.н. А.П. Ненароков. М., 1991. С. 195.

ственной культурно-образовательной и научной политики, а также социально-экономической и политической ситуации в Петрограде/Ленинграде.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Проследить историю Петроградского/Ленинградского университета на ее протяжении с 1917 по 1930 гг., используя библиографические и архивные источники.
2. Проанализировать взаимоотношения Петроградского/Ленинградского университета с местными советскими и партийными органами, центральными органами государственной власти, выявить имевшиеся особенности и найти их обоснования.
3. Изучить историю внутренних преобразований университета, становление его партийной организации как неотъемлемой части внутренней жизни и проводника партийно-государственной политики в отношении высшей школы; уделить внимание советизации университета и встраиванию его в новые социально-экономические и политические реалии.
4. Сделать вывод о развитии Петроградского/Ленинградского университета на протяжении 1917-1930 гг., характере, знаковых моментах и результатах преобразований.

Методологическую основу данной работы составляют непреложные принципы современной исторической науки – принципы историзма, объективности и системности. В ходе исследования широко использованы общ исторические методы: проблемно-хронологический, по которому описание событий ведется в исторической последовательности; историко-генетический, позволяющий выявить организационную структуру университета и его структурных подразделений и динамику их трансформации в указанных хронологических рамках; достаточно часто приходилось обращаться к историко-сравнительному методу для сопоставления процесса и результата преобразований в Петроградском/Ленинградском университете и других

высших учебных заведениях и научных учреждений города и России, что непреложно диктуется конъюнктурой существующей историографии и источников; историко-биографическому для уточнения деталей биографий деятелей, внесших вклад в преобразование высшей школы и, в частности, университета.

Применение комплексного междисциплинарного подхода к проблемам взаимодействия высшей школы, научных учреждений, общества и государства с учетом взаимовлияния этих институтов позволило рассмотреть развитие ситуации в университете в контексте более широких исторических преобразований. Это способствовало созданию целостного представления об объекте исследования и глубокому осмыслению внутридисциплинарных и организационных изменений в системе высшей школы в целом и в университете в частности. При изучении различных видов источников применен комплексный источниковедческий подход.

Глава I. Петроградский университет в годы революции и Гражданской войны

К началу 1917 г. Петроградский университет подошел в немалой степени под знаком общей социально-экономической и политической ситуации в стране. Тем не менее, затяжная война и усугубляющиеся экономические неурядицы сами по себе не могли – при условии сохранения прочности и стабильности существующего режима – оказать значимого воздействия на основы университетской системы.

Предвзятым и несправедливым выглядит утверждение заметного деятеля петроградского Истпарта Наума Абрамовича Бухбиндера о том, будто «высшая школа после экспериментов Шварца, Кассо и Игнатьева в последние годы, предшествовавшие падению царизма, быстро шла к полному развалу и разложению ... Распространеннейший тип студента того времени, это – карьерист, мечтающий лишь о дипломе, аттестате и тепленьком местечке; другие занимались спекуляцией, поставками и казенными подрядами, и им лучше были известны кафе и прейс-куранты, нежели профессора и лекции».²¹ Много резонных вопросов возникает и при чтении строк А.В. Луначарского, будто бы «профессура царских университетов тесно срослась с злоупотреблениями старого режима и ... была в них заинтересована. Взять хотя бы ограничение доступа в университет в зависимости от пола и национальности студента: он давали повод к существованию рядом с университетами ... «высших женских курсов» и частных высших школ, вроде петербургского психо-неврологического института. В этих параллельных неофициальных университетах преподавали те же профессора ... не затрачивая почти совершенно лишнего труда, они получали, таким способом, двойное и тройное содержание».²² Отнюдь не мнимая погоня профессоров за богатством и роскошью и не избыток свободного времени заставляли их заниматься «старинным

²¹ Бухбиндер Н.А. Студенческая организация при Пет. Ком. Р.С.-Д.Р.П.(больш.) // Красная летопись. 1923. № 6. С. 293.

²² Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920. (Краткий отчет). [М.,] 1920. С. 47-48.

злом русской академической жизни» – совместительством. Куда более обоснованной выглядит точка зрения А.Е. Иванова о глубоком кризисе университетского образования в России: встроены в неповоротливую государственную машину, университеты не могли меняться достаточно быстро, чтобы отвечать меняющимся общественно-экономическим условиям.²³

Не могло (точнее, не успело) кардинально изменить положение и пришедшее к власти после Февральской революции Временное правительство.²⁴ Исследователи советского периода были склонны бегло рассматривать данный период, считая его последней попыткой буржуазно-аристократической элиты удержать власть путем незначительных уступок, некой досадной прелюдией неизбежных великих перемен, принесенных Красным Октябрем.²⁵

В 1990 г. исследователь высшей школы советского государства А.П. Купайгородская сетовала на то, что «все еще слабо звучит мотив преемственности демократических преобразований системы народного просвещения до и после Октября ... Зачастую однозначно признаются негодными способы преобразований, предлагавшиеся представителями непролетарских партий, не дается объективная оценка стремлений русской научной общественности, направленных на демократизацию системы народного просвещения».²⁶ В последние годы ситуация значительно изменилась. Значительное внимание уделяется проектам министров просвещения Временного прави-

²³ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 22-25.

²⁴ Наиболее едко, отказав Временному правительству в каких бы то ни было попытках общественного переустройства, клеймил его непримиримый противник лидер партии большевиков В.И. Ленин. См., к примеру: Письма из далека. Письмо 1. Первый этап русской революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 9-22 (особ. с. 13-22); Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии) // Там же. С. 149-186 (особ. с. 151-154, 158-159); Резолюция об отношении к Временному правительству VII Всероссийской конференции РСДРП(б) (24-29 апреля 1917 г.) // Там же. С. 407-408; см. также: Булдаков В.П., Иванов А.Е., Шелухаев В.В. и др. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 164-165, 200-201; Балашов Е.М. Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 г. (На материалах Петрограда): дис. ... к.и.н. СПб., 1992. С. 40.

²⁵ Бухбиндер Н.А. Указ. соч. С. 293; Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли в России. М., 1986. С. 12.

²⁶ Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 15.

тельства по демократизации высшей школы и расширению ее автономии. «Правительство, пришедшее к власти в результате революционных событий февраля 1917 г., с большим вниманием отнеслось к высшей школе», – указывает современный исследователь.²⁷ Следует отметить, что и высшая школа отнеслась с большим вниманием к Временному правительству. Е.А. Ростовцев отмечал, что «в центре внимания профессорской корпорации в революционную эпоху часто оказывались ... политические проблемы»;²⁸ однако «даже окунаясь с головой в политическую работу после Февральской революции, большинство российских профессоров оставалось прежде всего учеными ... отказываясь от участия в политике ради своей профессиональной деятельности».²⁹ Вместе с тем, бесспорно, прогрессивные деятели, возглавлявшие Министерство народного просвещения в 1917 г., вовсе не ставили перед собой задачи покуситься на фундаментальные основы российской высшей школы – такие как конкурсный набор и жесткие учебные планы, отсутствие государственной регламентации методов преподавания и известная закрытость, самодостаточность и самодовление профессорско-преподавательской корпорации. Тем более не выступали они за тотальное огосударствление высшей школы: напротив, «это была уникальная для российской истории попытка построения системы высшего образования на принципах полной университетской автономии: академических свобод и институциональной независимости».³⁰

Итог проведенных за восемь месяцев преобразований подвел в одной из своих статей Е.А. Ростовцев: «После Февральской революции либеральной профессуре казалось, что ее цели достигнуты ... Хотя общий устав университетов и не был принят, отдельные акты, изданные Временным Прави-

²⁷ Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: дис. ... к.и.н. М., 2007. С. 40.

²⁸ Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М., 2009. С. 319.

²⁹ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 52.

³⁰ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 3.

тельством, устанавливали ту систему искомой почти полной университетской автономии, за которую боролось не одно поколение профессоров».³¹

Настроения студенчества в период власти Временного правительства являются весьма сложным предметом для исследования. Советская историография говорит о неуклонном «левении» студенческих масс, при том, что «большинство студенчества все же тянулось за эсерами, «независимыми» социалистами и кадетами».³² «Группа студентов – та, что остается с пролетарием в дни его первой героической борьбы за власть – почти ничтожна».³³ Иная точка зрения была высказана современным исследователем: «К октябрю 1917 г. (всего за восемь месяцев) студенчество полностью сходит с политической арены страны... У этого явления существовал ряд вполне конкретных причин: отсутствие определенной цели в политической борьбе; разочарование в революционных лозунгах Февраля; прекращение учебы, как смыслообразующего действия для учащейся молодежи ...; экономический кризис в стране, ставивший студентов на грань физического выживания».³⁴ Первоначальные аффектированные настроения связаны были не столько с приходом новой власти, сколько с падением старой, и по мере дискредитации политики Временного правительства поддержка его и социальная активность студенчества

³¹ Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. М., 2009. С. 322.

³² Булдаков В.П., Иванов А.Е., Шелохаев В.В. и др. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 183; этот тезис подтверждают и хранившиеся в ЦПА ИМЛ результаты выборов в советы старост российских вузов, опубликованные А.Я. Лейкиным (Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи: Из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь. 1917-1924 гг. М., 1980. С. 36-37). Так, в Петроградском университете на четверых представителей РСДРП(б) приходилось 10 представителей кадетов и «мелкобуржуазных» плюс один беспартийный, в Институте инженеров путей сообщения – 0 на 17 плюс шесть беспартийных, в Политехническом институте – 1 на 11. Приведенные цифры позволяют сделать вывод о том, что несмотря на крикливость большевистских лозунгов, привлекательность их для студенчества оставалась весьма сомнительной.

³³ Луначарский А.В. К учащимся // Известия ЦИК и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 ноября. Цит. по: Купайгородская А.П. Петроградское студенчество и Октябрь... С. 247.

³⁴ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 22.

падали. Стремление к долгожданным переменам и активное участие в их осуществлении сменились апатией.

Достаточное освещение получили в историографии вопросы, связанные с реакцией научных учреждений и высших учебных заведений на Октябрьский переворот.³⁵ Внимание исследователей по-прежнему приковывает и сюжет, связанный с отказом Петроградского университета сотрудничать с новой властью. Отчасти этот отказ объяснялся самим ореолом, сложившимся вокруг партии большевиков, вовсе не вызывавшей симпатий у научной интеллигенции и, в частности, университетской профессуры. Общим местом историографии (как советской, так и постсоветской) является упоминание о прохладном, а зачастую и откровенно неприязненном отношении профессуры к своим «левым» коллегам: «Профессура нахально выбрасывала из своей среды преподавателей, осмелившихся вступить в ряды большевиков или принять советскую должность. Покойному товарищу П.К. Штернбергу, который был заслуженным профессором астрономии Московского университета, его коллеги перестали подавать руку, когда он сделался московским губернским комиссаром... профессоров большевиков продолжали «не узнавать» при встрече люди, прожившие с ними чуть не всю жизнь».³⁶ «Российская профессура с самого начала нетерпимо относилась к большевикам, а профессор-большевик в высшей школе 1917 г. был практически нонсенсом. ...откровенно враждебное отношение к РСДРП(б) ... было повсеместным явлением в вузах», – отмечает А.Ю. Сизова.³⁷ Другим обстоятельством, непо-

³⁵ Булдаков В.П., Иванов А.Е., Шелохаев В.В. и др. Указ. соч. С. 259-260, 266, 270; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988. С. 299-303, 341; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись. 1724-1999. СПб., 1999. С. 284; Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 62-63; Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом... С. 322-323; Его же. Университет столичного города (1905-1917 годы)... С. 315-316.

³⁶ Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920... С. 50-51.

³⁷ Яров С.В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм глазами петроградцев. 1917-1921 гг. СПб., 1997. С. 9; Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 133; Егоров И.В. От монархии к Октябрю... С. 220, 229. Кроме того, любопытные сведения о реакции петроградской интеллигенции на «большевизм» Егорова можно найти на с. 220-239.

средственно обусловившим неприязненное отношение к «радикалам»-большевикам, было широко распространенное представление о временном характере захвата власти.³⁸ Некоторая часть интеллигенции приняла переворот не то чтобы как должное, а скорее как закономерный результат неустойчивости Временного правительства, своего рода итог череде бесконечных кризисов:³⁹ «...кто-то из наших принес известие о выступлении большевиков. А сегодня ... принесли прокламацию Военно-Революционного Комитета... Когда я размышлял об *idea Dei* ... все время слышались не то залпы, не то пушечные выстрелы ... это – юнкера и казаки, последняя опора правительства Керенского. Что же, приветствую: это не 4 июля; все организовано, через советское большинство, снизу; принцип торжествует!.. А правительство Керенского со времени демократического совещания только и занималось тем, что губило «мир»; пусть уж лучше они погибнут *cum justitia*...».⁴⁰ Заслуживает пристальнейшего внимания точка зрения С.В. Ярова: «Русский интеллигент встретил революцию со смешанным чувством недоумения, раздражения и равнодушия. Революция предстала перед ним с варварской стороны – обстрелом Зимнего дворца и разрушением Кремля, непривычной «низовой» речью новых правителей, погромами, насилием, запретом печати, цензурой, и, наконец, прожектами Наркомпроса. И здесь первичным было культурное отторжение. Культурная неприязнь определила код политической неприязни».⁴¹

³⁸ Книжник[-Ветров] Ив. [И.С.] Октябрьская Революция в Доме Писателей. Из истории российской интеллигенции // Красная летопись. Исторический журнал. 1923. № 6. С. 189; Лемке М.К. «Они продержатся не больше 5-7 дней». (По дневнику) // Красная летопись. Исторический журнал. 1923. № 6. С. 173.

³⁹ Знаменский О.Н. Указ. соч. С. 307.

⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 93. Ед. хр. 3. Л. 6-6 об.

⁴¹ Яров С.В. Указ. соч. С. 10.

Равным образом, практически общим местом были реляции о едва ли не восторженном приеме, оказанном техническими работниками (сторожами, уборщиками, кочегарами) представителям советской власти.⁴²

Одним из наиболее значимых препятствий для выработки большевиками единой государственной концепции развития образования, и высшей школы в частности, стало, по сути, отсутствие сколь-либо внятной, широко разработанной программы преобразований, что также не могло поспособствовать привлечению широких слоев интеллигенции к партии. А.Ю. Сизова находит корни этого казуса в том факте, что «вплоть до июня 1917 г., когда вышли в свет «Материалы по пересмотру партийной программы», сколько-нибудь четко сформулированной образовательной программы не было ... С методологической точки зрения большевики относились к образованию как к части культуры, которая, в свою очередь, рассматривалась ими как надстроечный фактор по отношению к базисному – экономическому».⁴³ Подтверждает эту позицию и мнение А.Н. Чистикова: «...государственное устройство будущего социалистического общества виделось им [большевикам] не совсем отчетливо. ... партийные лидеры до Октября 1917 г. не разработали подробно принципы управления новым государством. Теоретические предпосылки не выходили за рамки общих лозунгов и идей».⁴⁴ Вместе с тем, как было подмечено Е.М. Балашовым, «никакие «буржуазные» реформы не смогли бы удовлетворить радикальных требований большевиков».⁴⁵

Зарубежная историография первой половины XX в. не отмечала непоследовательности в политике большевиков в отношении образования и науки

⁴² Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920... С. 3; Демидова А.Р. Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начала 1920-х гг.: город в условиях экстраординарности: дис. ... к.и.н. СПб., 2008. С. 51.

⁴³ Сизова А.Ю. Указ. соч. С. 84.

⁴⁴ Чистиков А.Н. У кормила власти // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С.В. Яров, Е.М. Балашов, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. М. ; СПб., 2013. С. 15.

⁴⁵ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». СПб., 2003. С. 19.

в рассматриваемый период: так, отмеченные Г. Уотсоном ликвидация безграмотности, всеобщий характер образования, интеграция («смычка») с производством и широкая поддержка науки являются, по сути, лозунгами (бесспорно, «программными положениями правящего слоя»),⁴⁶ за которыми скрывалась бурная и порой ожесточенная борьба в недрах самого Наркомпроса – за то, как именно эти лозунги должны воплощаться в жизнь.⁴⁷ Необходимо также отметить, что проблемы дискриминации в образовании по национальному, расовому и конфессиональному признаку (формально – и по классовому; Ш. Фицпатрик позже сопоставит *преимущественную* доступность высшего образования для бывших угнетенных и эксплуатируемых классов с «позитивной дискриминацией» в американском обществе в отношении афроамериканцев в 1960-е гг. и найдет множество сходств⁴⁸) были решены большевиками «кавалерийским наскоком» – что не могло не вызывать вольные и невольные симпатии западных либералов, которым предстояла долгая борьба за эти идеалы. Несколько по-иному расставил акценты секретарь Научного комитета Британского совета Дж.Дж. Краутер: «Развитие науки в СССР обусловлено тремя факторами: во-первых, местом, отведенным ей коммунистической философией, во-вторых, прикладной значимостью в повышении уровня жизни советских граждан, в-третьих, военно-прикладными соображениями».⁴⁹

В новых условиях советской власти, когда во главу угла были поставлены соображения экономической целесообразности в максималистской форме – наука и высшая школа уже не рассматривались как самостоятельные

⁴⁶ Watson G. Education in Soviet Russia // Social Research. September 1937. Vol. 4. No. 3. P. 361.

⁴⁷ См., например, по этому вопросу: В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы // Литературное наследство / РАПП и Ин-т ЛИЯ Комакадемии. М., 1931– . Т. 80. М., 1971. С. 75; АМИ СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 23-26.

⁴⁸ Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1932. Cambridge University Press, 1979. P. 14-17.

⁴⁹ Crowther J.G. Science in Soviet Russia // Journal of the Royal Society of Arts. May 1943. Vol. 91. No. 4639. P. 302.

и независимые от государства институты: им отводилась, соответственно, роль подготовки кадров и научно-технического, пользуясь современными понятиями, инновационного обеспечения социалистической промышленности. «Наука должна быть поставлена на службу народа» – этим же лозунгом обосновывался всеобщий прием в вузы. «Было время, когда в тиши уединенных кабинетов, в обстановке средневековых библиотек или алхимических лабораторий творилась мысль ученого... Наука была достоянием избранных... Ученый, как жрец науки, стоял вне обыденной жизни, и только на открытых диспутах или в четырех стенах замкнутых школ он открывал тайну своей внутренней работы», – осторожно писал в 1921 г. А.Е. Ферсман.⁵⁰ Позиция советской власти в отношении университетской автономии нашла четкое отражение в воспоминаниях современников: «В условиях борьбы с царским самодержавием, глушившим любую свободную мысль, лозунг автономии высшей школы был прогрессивным. После же Октябрьской революции, передавшей власть в руки рабочего класса, такое требование стало, наоборот, реакционным. ... Необходимо было поставить науку на службу строительству социализма».⁵¹

Впрочем, желанием становиться на службу социализма Петроградский университет отнюдь не воспылал. После октябрьского переворота, вняв воззванию Российской Академии наук «против «насильников, захвативших власть»»,⁵² университет наотрез отказался сотрудничать с Советом народных комиссаров. Лишенный государственного финансирования, университет тем

⁵⁰ Ферсман А.Е. Пути научного творчества // Наука и ее работники. 1921. № 1. С. 3. Любопытно, что в совершенно аналогичном духе, но куда более «крепких» выражениях в 1927 г. высказался историк-марксист С.А. Пионтковский: «Само производство научное требует коллективной работы, а вот вырабатывается кустарь-ученый, кустарь-одиночка, тип средневекового алхимика. Право, когда я смотрю на наших стариков профессоров, академиков вроде Богословского, мне всегда вспоминаются кельи алхимиков, которые я видел в Праге. Должно быть, и там такие сидели по своим кельям, запершись на замок, эти средневековые идиоты и варили из всякой дряни золото. Так и теперь сидят эти алхимики и варят историю о том, сколько пуговиц было на штанах у Петра Великого» (Дневник историка С.А. Пионтковского... С. 133).

⁵¹ На штурм науки... С. 7.

⁵² 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись. 1724-1999... С. 284.

не менее до начала 1918 г. практически не поддерживал контактов с новой властью. Лишь когда материальное положение стало безвыходным (в декабре на заседании Совета университета и.о. ректора А.А. Иванов отметил, что «финансовое положение Университета стало не только тяжелым, но и неопределенным ... в 1918 году и в особенности в первые месяцы Правление Университета должно встретиться с такими затруднениями, которые возможно сделают положение его критическим»⁵³), Петроградский университет был вынужден пойти на сотрудничество с Наркомпросом. Как указывает исследователь истории университета А.Ф. Кривоноженко, «на совещании представителей вузов Петрограда и Академии наук было решено, что перспектива не вступать в деловые отношения с «властью, распоряжающейся финансами государства», отсутствует».⁵⁴

Немалую роль в налаживании диалога с высшей школой сыграл и сам нарком просвещения А.В. Луначарский: «Луначарский был незаменим в сношениях с старыми университетскими и вообще педагогическими кругами... В повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону советской власти Луначарскому принадлежит не малая заслуга».⁵⁵ Личность первого наркома просвещения вообще представляется весьма своеобразной (в лучшем смысле слова) и весьма противоречивой. Характерно, что оценки его деятельности в историографии зачастую (за исключением эмигрантской⁵⁶) если не строго положительны, то во всяком случае благожелательны: А.В. Луначарский избежал полярности мнений исследователей, ха-

⁵³ АМИ СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 342. Л. 5 об.

⁵⁴ Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922 гг.: от университета императорского к университету советскому // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2012. Т.3. С. 261.

⁵⁵ Бюллетень оппозиции. 1934. № 38-39.

⁵⁶ См., напр.: Жабя С.П. Указ. соч. С. 10, 13, 20, 33 (чего стоят одни только «луначаристые» тона), которыми была якобы «расписана» речь Г.Е. Зиновьева на Петроградской общестуденческой конференции в июне 1920 г.); Московский университет 1755-1930... С. 191 («...разрушение высшей школы, которое не удалось Победоносцеву и Кассо, удалось Луначарскому и Покровскому»); Новиков М.М. Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 5-6. С. 1-17; Его же. Правовой строй русской высшей школы // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 8. С. 18-28 и т.д.

рактальной для многих других советских политических деятелей.⁵⁷ Положительная оценка деятельности А.В. Луначарского на посту наркома просвещения была высказана уже современниками событий: «Луначарского сейчас считают спасителем культуры. Он все больше и больше завоевывает симпатии. Самый гуманный и культурный из большевистских деятелей».⁵⁸

Взятый курс на сотрудничество с большевиками активизировал реформационные процессы в университете. Началось составление новых учебных планов, однако структурные изменения в университете, а также монополизация Наркомпросом всех вопросов, связанных с преподаванием в высшей школе, во многом поставили крест на этой работе.

Неоднократно отмечается мемуаристами и исследователями значительное сокращение в 1917-1920 гг. количества студентов, обучающихся в университете.⁵⁹ Причин тому можно назвать несколько. Главным образом, студенты покидали университет вследствие нестабильности общественно-экономической и политической ситуации в Петрограде, утратившего вскоре, к тому же, столичный статус. Бежали от голода, холода, тьмы и разрухи.⁶⁰ Физик С.Э. Фриш позже вспоминал: «В 1918-1919 годах университет опустел, аудитории посещала горсточка студентов, среди них поступивших до 17-го года, было буквально несколько человек».⁶¹ Некоторая часть стремилась оказаться подальше от надвигавшихся германских войск, следуя за па-

⁵⁷ Елкин А.С. Луначарский. М., 1967; Луначарская И.А. К научной биографии А.В. Луначарского // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1979. № 4. С. 110-127; Павловский О.А. Луначарский. М., 1980. (Выдающиеся мыслители-марксисты); О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры : пер. с англ. М., 1992; Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского: в 3 т. Душанбе, 1992; Боров Ю.Б. Луначарский. М., 2010; Глухарев Н.Н. Указ. соч. и т.д.

⁵⁸ Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции (1918 г.) // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 116. Цит. по: Чистиков А.Н. У кормила власти... С. 55.

⁵⁹ Жабя С.П. Указ. соч. С. 9, 43.

⁶⁰ Мусаев В.И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С.В. Яров, Е.М. Балашов, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. М. ; СПб., 2013. С. 95-97.

⁶¹ Фриш С.Э. Указ. соч. С. 108.

ническими слухами о неминуемом взятии города.⁶² Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что многие студенты не желали отрываться от своих семей и, даже имея возможность продолжать обучение, все же выезжали из города.⁶³ Многие жители города (не только студенты) покидали город, оседая «на землю».⁶⁴ Население города, составлявшее в 1916 г. почти 2,5 млн человек, к 1920 г. упало до 700 тыс.⁶⁵

Численность студентов университета в этот период, тем не менее, не может не поражать: Ю.А. Ендольцев насчитал по состоянию на декабрь 1919 г. в Петроградском университете 7.500 студентов,⁶⁶ А.Г. Ермошко, на 1 июля 1919 г., – 8256 человека.⁶⁷ Впрочем, нельзя упустить из виду тот факт, что документальные данные отражали далеко не количество реально осваивавших учебный материал, а лишь формально числившихся в университете студентов, если не количество поданных заявлений – зачисление происходило, по сути, автоматически – в соответствии с декретом СНК от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения».⁶⁸ Единственным условием для зачисления в вузы стало достижение 16-летнего возраста, что не могло не вызвать лавинообразного увеличения количества «душ» студентов. При этом исследователями отмечено, что, например, «в Московском университете на историко-филологическом факультете в 1918-1919 гг. числилось 3568

⁶² Мусаев В.И. Указ. соч. С. 95-97; ОР РНБ. Ф. 93. Ед. хр. 3. Л. 36, 50 об.

⁶³ Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B, Vol. 9, Case 383 (interviewer J.R.). P. 1. Widener Library, Harvard University. (Режим доступа: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:965023>. 10 апреля 2016 г.). Респондент, поступивший в 1917 г. в Петроградский университет, уже в следующем году был вынужден бежать в Харьков к семье.

⁶⁴ «Горячешный и триумфальный город». Петроград от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / Сост., авт. предисл. и коммент. М.В. Ходяков. СПб., 2000. С. 3.

⁶⁵ Демидова А.Р. Указ. соч. С. 118-119.

⁶⁶ Ендольцев Ю.А. Университетский быт – исторический ракурс // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. 8. СПб., 2000. С. 93.

⁶⁷ Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского / Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917-1925) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (16). С. 139.

⁶⁸ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1918. Ст. 632.

студентов, но фактически обучалось всего 177, на общественном факультете из 2474 человек – 229 ... Аналогичная картина наблюдалась и в вузах других городов Европейской части РСФСР».⁶⁹ 24 июля 1919 г. это положение было официально признано Коллегией Наркомпроса: «число студентов, фактически занимающихся в высших учебных заведениях, весьма невелико, совершенно не соответствуя количеству студентов, числящихся в списках этих заведений, и составляет нередко лишь несколько процентов этого последнего числа». В дальнейшем, по мнению Коллегии, ситуация должна была лишь усугубиться «в связи с отменой отсрочки по отбыванию воинской повинности для учащихся в высших учебных заведениях».⁷⁰

Материальное же положение студенчества было катастрофическим. Социальное обеспечение было предоставлено единицам – командированным в вузы коммунистам, а также слушателям рабфаков (что становилось лишней причиной неприязни по отношению к ним со стороны студентов основных факультетов). Социальное обеспечение состояло из «нескольких буханок хлеба, 1-2 килограммов сельдей, 500 граммов подсолнечного масла в месяц» и небольшой суммы денег, выдававшейся к тому же нерегулярно.⁷¹ Не столь удачливые студенты были предоставлены сами себе и либо устраивались на службу, либо покидали город.

Сложнее была ситуация с профессорско-преподавательским составом, полностью бросить который на произвол судьбы большевики не решились в том числе и из чисто прагматических соображений. Для наиболее «ценной» его части в начале 1919 г. Наркомпросом были выделены так называемые «академические» пайки – всего 100 на все научные учреждения и вузы Петрограда. На Петроградский университет из этого числа приходилось 10 – на

⁶⁹ Королева В.В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества Европейской части РСФСР 1921-1932 гг. : дис. ... к.и.н. Орел, 2005. С. 11.

⁷⁰ Постановление Коллегии НКП «Об устранении параллелизма в высшей школе» от 24 июля 1919 г. Цит. по: Народное образование в СССР. Сб. док. 1917-1973 гг. / Сост. А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М., 1974. С. 403.

⁷¹ Ермошко А.Г. Указ. соч. С. 142.

360 лиц профессорско-преподавательского состава.⁷² Благодаря настойчивости ректора В.М. Шимкевича и его многочисленным ходатайствам о предоставлении пайков ученым университета «ввиду крайне тяжелых условий научной работы в настоящее время: холода, недостатка питания, необходимости ходить на службу пешком за недостатком трамваев», к концу 1919 г. список был расширен до 16 имен.⁷³

Постановка партийной работы в университете в годы Гражданской войны оставляла желать лучшего. До 1920 г. постоянной партийной организации в университете, за исключением партийной организации рабочих и служащих, которая «не была связана со студенческой массой и поэтому не оказывала, заметного влияния на студенческую жизнь»,⁷⁴ не существовало. Хотя уже в 1918 г. был создан коллектив коммунистов университета, насчитывавший 19 человек,⁷⁵ практически все его члены вскоре были разбросаны по стране событиями войны (то же произошло и с коллективом РКП(б) рабочих и служащих: она практически «растаяла» с мобилизацией членов на фронты войны и переброской их на другие участки деятельности). В 1920 г. работа по собиранию все еще малочисленного коллектива РКП(б) была начата заново. Активного противодействия она не встретила, вызвав лишь искреннее недоумение ректора В.М. Шимкевича по поводу необходимости присутствия парторганизации в стенах университета. Большого влияния в начале 1920-х гг. она не имела; отношение к ней студентов достаточно исчерпывающе определила Е.С. Вентцель: «комсомольцы сверху», собиравшиеся где-то на третьем этаже и решавшие какие-то мировые вопросы. Их в нашей среде почему-то не было. Их дела были «общественными», нас не касались».⁷⁶

⁷² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 14. Л. 1-2; Там же. Л. 10-10 об.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 14. Л. 21; Там же. Л. 18-20 об.

⁷⁴ На штурм науки... С. 10.

⁷⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 21а. Л. 1.

⁷⁶ Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения... С. 20.

Схожие попытки предпринимались и в среде профессуры. Так, в 1919 г. была организована т.н. «группа красной профессуры», декларацию об образовании которой подписали М.К. Лемке, М.В. Серебряков, Н.С. Державин, В.С. Кораблев, Н.А. Гредескул и др.⁷⁷ Несмотря на все усилия организаторов, «группа не стала реально действующим объединением ввиду излишне категоричного размежевания с массой научных работников».⁷⁸ Куда более жизнеспособной оказалась «группа левой профессуры», образованная в 1921 г. Ей в меньшей степени было свойственно комчванство, поскольку она уже не ставила во главу угла вопрос партийности, называя себя «не красной, не марксистской, не коммунистической».⁷⁹ Председателем группы стал избранный в 1922 г. ректором профессор Н.С. Державин.⁸⁰ В начале деятельности в группу вошло около 80 человек; к 1923 г. группа объединяла более 150 членов.⁸¹ 11 июля 1923 г. коллегия агитотдела Северо-западного бюро ЦК РКП(б) и Петроградский губком РКП(б) постановили начать постепенную ликвидацию группы с одновременной передачей ее полномочий Секции научных работников (СНР) Союза работников просвещения (Рабпрос).⁸²

Университет в годы гражданской войны в России – нелегкая, но благодарная тема для изучения. Роль источников личного происхождения в данном случае заметно важнее, чем в последующие периоды, ввиду как проблем с документооборотом,⁸³ так и гибелью части документов в результате наводнения 1924 г.

⁷⁷ Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А. Указ. соч. С. 38.

⁷⁸ Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 325.

⁷⁹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 269. Л. 22. Цит. по: Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 351.

⁸⁰ ОР РНБ. Ф. 283. Ед. хр. 131. Л. 1.

⁸¹ Вестник высшей школы. 1967. № 6. С. 82; Алексеев В.П. Власть, философия, наука. М., 2014. С. 118.

⁸² Вестник Ленинградского университета. Серия История, язык, литература. 1967. Вып. 2-4. С. 37.

⁸³ Отчасти это было обусловлено разрухой и тотальным дефицитом бумаги. В январе 1919 г. ПГОНО «спустил» в учреждения постановление Исполкома Петросовета, в числе прочего, предлагавшего «всю переписку сократить до минимума, с каковой целью следует пользоваться телефонограммами», а также «для копии более важных бумаг пользоваться оборотной стороной уже использованных и более ненужных бумаг» (ЦГА СПб. Ф. 2552 Оп. 1 Д. 2.). Кроме того, в январе 1920 г. ректор университета В.М. Шимкевич жаловался в

Гражданская война, развернувшаяся на территории бывшей Российской империи, постепенно захватывала в свою орбиту все население. Петроградский университет не стал исключением. Впрочем, в 1918 г. война, казалось, была еще далеко, и в сентябре заместитель наркома по военным делам Э.М. Склянский дал телеграмму об освобождении всех учащихся средних и высших учебных заведений от призыва по мобилизации «впредь до особого распоряжения».⁸⁴ Спустя месяц КНП СКСО, заручившись санкцией Губвоенкомпета, уведомил о временной приостановке призыва «преподавателей всех учебных Заведений расположенных на территории Петроградского Военного Округа».⁸⁵

Тем не менее, «постоянная оглядка на «старшие» комиссариаты» и второстепенность положения наркомпроса не обеспечивали полной защиты подведомственных учреждений от нападок не только со стороны «старших» комиссариатов», но даже со стороны низовых органов власти.⁸⁶ В результате декретированное освобождение от призыва (особенно для представителей профессорско-преподавательского состава), по большей части, осталось на бумаге. Вместе с тем, нельзя забывать и о судьбе обслуживающего персонала университета, от работы которого зависело во многом качество и сама возможность преподавания и обучения. Университету, унаследовавшему даже по тем временам чрезвычайно старые здания, в условиях разрухи неуклонно приходившие в упадок, приходилось прилагать немалые усилия для поддержки их в пригодном для эксплуатации состоянии. И.о. ректора

Наркомпрос: «положение университетской канцелярии близко к полному расстройству и ... весьма скоро она едва ли будет в состоянии отвечать на многочисленные запросы. ... Малый оклад и задержка в выплате заработка иногда на 1,5 месяца ... заставляет искать работы на стороне или оставлять службу и уходить ... на более высокооплачиваемые места» (Там же. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 14. Л. 30 об.-31 об.).

⁸⁴ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.

⁸⁵ Там же. Л. 1, 12-13.

⁸⁶ Так, А.В. Луначарскому приходилось протестовать против самоуправства и вмешательства совдепов в школьную жизнь, негодуя по поводу их обращений (скорее даже вторжений) «в школы с распоряжениями и требованиями, часто противоположными указаниям Комиссариата» – см. Северная Коммуна. 1918. 29 ноября.

А.А. Иванов, ходатайствуя об оставлении на службе в университете архитекторского помощника С.В. Васильковского, напомнил, что «здания, в которых помещается Университет, имеют большое историческое художественное значение, а потому требуют крайне бережного отношения к ним со стороны лиц, ведающих архитектурной их стороной, при всех, как новых строительных, так и ремонтных работах по поддержанию их». ⁸⁷ Из ходатайства об отводе от призыва другого архитекторского помощника, А.А. Черняка, явствует еще более непосредственная связь обслуживающего персонала с учебным процессом: «[Черняку,] давно знающему здания Университета, поручены разные работы, которые необходимо окончить в ближайший срок; ... необходимо к началу лекций подготовить Кабинет Экспериментальной Фонетики, а также оранжерею, где в противном случае погибнут растения». ⁸⁸ Военный комиссариат Лесновского района, впрочем, не нашел эти доводы сколько-нибудь существенными, затребовав для «окончательного решения дела сведения о том, является ли ЧЕРНЯК преподавателем архитектурных предметов или же состоит на службе только архитекторским помощником». ⁸⁹ Вопрос был решен лишь при вмешательстве Наркомпроса СКСО. После ходатайства Правления университета был оставлен на службе и слесарь П.Н. Михайлов, который был «крайне необходим для ремонта и обслуживания водопроводной и отопительной сетей, очень сложных в старых зданиях Университета и не может быть заменен никаким другим лицом». ⁹⁰ Настоять на своем удавалось далеко не всегда: так, ходатайству по делу помощника делопроизводителя испытательных комиссий при университете М.П. Снегирева, несмотря на все доводы ректора, Севпрос не дал хода. ⁹¹

В ноябре 1918 г. указание о «приостановке» мобилизации профессорско-преподавательского состава было подтверждено телеграммой Совета

⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1 Д. 1081. Л. 4-4 об. Выделено в источнике.

⁸⁸ Там же. Д. 62. Л. 15-15 об.

⁸⁹ Там же. Л. 5, 7, 15, 16.

⁹⁰ Там же. Л. 14-14 об.

⁹¹ Там же. Л. 111-112.

Всероссийского Главного штаба за подписями Н.И. Раттэля и И.Л. Дзевалтовского.⁹²

Однако уже вскоре ситуация изменилась, и постановление Совета комиссаров СКСО от 9 декабря определило «число освобождаемых лиц, вместе с освобожденными по сие время, не должно превышать 1% штатного состава данного учреждения на каждую призываемую возрастную категорию».⁹³ Уже значительно позже, в сентябре 1919 г., Совет рабочей и крестьянской обороны выпустил постановление «О порядке мобилизации профессоров и преподавателей высших учебных заведений», согласно которому вуз мог заявить отвод лишь для ничтожной части призываемых – «одного специалиста из числа призываемых по каждой кафедре, за исключением бывших офицеров».⁹⁴

В течение 1919 г. ситуация лишь усугубилась. Советская власть была вынуждена поставить «под ружье» практически всех пригодных к тому граждане: «Красная армия вошла в следующий этап своего развития – от добровольчества к мобилизациям всех способных носить оружие рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян».⁹⁵ В то же время, «все трудоспособное трудящееся население его было занято по внутреннему укреплению своих районов, а все боеспособное шло на фронт». В результате многочисленных «ограблений» Петрограда в отношении боевого пролетариата защитников города отчаянно не хватало. Кроме того, власти пришлось распрощаться с романтическими иллюзиями создания чисто пролетарской армии, и бывшие военнослужащие царской армии (особенно офицеры) оказались востребованными.

Не стал исключением в этом отношении и Петроградский университет. Некоторые из его преподавателей и служащих являлись бывшими «начальствующими чинами» царской армии и подлежали мобилизации. Универси-

⁹² Там же. Д. 19. Л. 15-16.

⁹³ Там же. Л. 28.

⁹⁴ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1919. Ст. 445.

⁹⁵ Корнатовский Н.А. Героическая оборона. К пятидесятилетию обороны Петрограда против Юденича. Л., 1934. С. 9.

тет, в силу постановления Совета комиссаров СКСО, немедленно вошел с ходатайствами об их освобождении. Отдел высших учебных заведений Наркомпроса, однако, оговаривал, что освобождение офицеров от военной службы возможно, но лишь «в исключительных случаях ... по соглашению ... Комиссара по Просвещению с Председателем Революционного Военного Совета или их заместителей», когда могла быть «установлена полная его [офицера] незаменимость для научных и учебных занятий».⁹⁶ Согласно сведениям, доложенным Правлением университета в Комиссариат по просвещению Союза коммун Северной области (СКСО), в июне 1919 г. в штате числилось 305 преподавателей, «из которых 5 быв. офицеров» (и один оставленный при университете, т.е. всего 6; позже это число возросло).⁹⁷ Большинство из них по тем или иным причинам (четверо были отведены от призыва, один воспользовался отсрочкой, предоставленной по месту службы в Академии наук, один умер от сыпного тифа) так и не были призваны в ряды Красной Армии.⁹⁸

Еще раньше, в 1918 г., сотрудникам университета пришлось столкнуться с реквизициями жилой площади. Так, в сентябре 1918 г. Василеостровский райкомпрод через жилищную секцию районного совдепа потребовал «очистения» квартиры №6 в доме №11 по 14-й линии Васильевского острова от служащих университета, проживавших в ней. Вмешательство заместителя наркома просвещения СКСО помогло лишь отсрочить выселение.⁹⁹ В ноябре того же года из собственной квартиры едва не был выселен знаменитый филолог Л.В. Щерба. Дурную службу ученому едва не сослужила работа в районной управе при Временном правительстве. З.Г. Гринберг сумел убедить Василеостровский совдеп «не вменить ему [Л.В. Щербе], как инкриминиру-

⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 112. Л. 14-14 об.

⁹⁷ Там же. Л. 16 об.

⁹⁸ Петров В.В. «Самозащита» профессорско-преподавательской корпорации Петроградского университета от призыва в РККА в 1918-1920 гг. // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2013. С. 92-97.

⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 62. Л. 70-71.

ющий факт, пребывание его и деятельность в районной управе ... так как он послан в названную Управу не в качестве партийного кадетского деятеля, но как популярный человек и честный демократ».¹⁰⁰

Другим неприятным и непривычным веянием времени, с которым пришлось столкнуться профессуре и студенчеству Петроградского университета, стали мобилизации на принудительные работы по сооружению оборонительных рубежей на подступах к бывшей столице. И.В. Егоров, исполнявший в течение недолгого времени в 1917-1918 гг. обязанности заведующего отделом высших учебных заведений и научных учреждений Наркомпроса, вспоминал позже, как однажды к нему явился ректор Э.Д. Гримм и сообщил, что «кем-то, видимо военными властями, сделано распоряжение мобилизовать весь преподавательский состав Петербургского университета на окопные работы».¹⁰¹ Благодаря личному знакомству Егорова с наркомом просвещения А.В. Луначарским и Верховным главнокомандующим Н.В. Крыленко «добиться отмены распоряжения военных властей ... ничего не стоило».¹⁰² Таким образом, первоначально профессорско-преподавательский состав Петроградского университета был огражден от привлечения к трудовой повинности и тыловой службе (как и вообще все служащие советских учреждений).¹⁰³ Однако после ухудшения ситуации под Петроградом «чаша сия» уже не могла миновать университета и его сотрудников: в соответствии с распоряжением Совета Рабоче-крестьянской обороны РСФСР от 2 мая 1919 г. Петроградской трудовой коммуне было предоставлено право «получить все имеющееся у населения имущество, пригодное для вооружения и снаряжения воинских частей, обороняющих подступы к Петрограду», а также «вводить всеобщую трудовую повинность во всех отраслях труда и службы, кои могут оказать

¹⁰⁰ Там же. Д. 45. Л. 2.

¹⁰¹ Архив Музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 7.

¹⁰² Там же. Л. 8.

¹⁰³ ОР РНБ. Ф. 813. Ед. хр. 1. Л. 13.

серьезную помощь при организации защиты Петрограда».¹⁰⁴ В условиях реальной угрозы захвата цитадели революции, что было красноречиво продемонстрировано стремительным и успешно развивавшимся октябрьским 1919 г. наступлением белых частей, статус университетского преподавателя и даже профессора, и без того воспринимавшийся пролетариатом весьма скептически,¹⁰⁵ подвергся стремительной девальвации. И хотя ученые по-прежнему были освобождены от всеобщей мобилизации 1879-1901 гг. р. (на основании распоряжения Петроградского губернского комиссариата по военным делам от 21 мая¹⁰⁶), теперь они привлекались к несению трудовой повинности (к их вящему раздражению и негодованию). Об отношении профессуры к принудительному исполнению повинности красноречиво свидетельствуют строки письма, отправленного профессором факультета А.Н. Самойловичем ректору университета А.А. Иванову (см. Приложение 1 (с. 92)).¹⁰⁷ Осознавая бессмысленность протеста против самой повинности, профессор требует хотя бы неукоснительного соблюдения процедурных вопросов, как то: строгого учета исполнения работы и своевременного оповещения о ней. Глухой ропот чувствуется в словах о «представителях Компроса, наблюдавших за исполнением повинности».

Вопросы социально-бытового характера, повседневной жизни Петрограда в пореволюционные годы пользуются в последнее время особенно пристальным вниманием историков.¹⁰⁸ Невыносимые, нечеловеческие условия

¹⁰⁴ Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград (1919). Л., 1929. С. 157-158; Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства. 1919. № 19. Ст. 219.

¹⁰⁵ И.В. Егоров вспоминал: «В кооперативе Академии наук я слышал, как между сторожами шел разговор, что теперь надо бы попросту передуть или перерезать лодырей-ученых, «разных академиков и профессоров»: только зря хлеб переводят, не работая». (АМИ СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 7.)

¹⁰⁶ ОР РНБ. Ф. 813. Ед. хр. 1. Л. 20 об.

¹⁰⁷ Там же. Ф. 671 (Самойлович А.Н.). Ед. хр. 3. Л. 1-1 об.

¹⁰⁸ См. работы: Мусаев В.И. Указ. соч. С. 95-198; Демидова А.Р. Указ. соч.; Беляева Е.А. Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны: 1917-1921 гг.: дис. ... к.и.н. Смоленск, 2005, и т.д.

существования в умирающем городе¹⁰⁹ были ярко описаны З.Н. Гиппиус, П.А. Сорокиным (преподаватель факультета общественных наук), Н.Н. Платоновой (Шамониной) (супруга проф. С.Ф. Платонова), С.Э. Фришем (лаборант Оптического института) и многими другими современниками.¹¹⁰ Практически каноническими стали горькие слова С.П. Жабы: «Замер и погрузился во тьму старый университетский корпус».¹¹¹

Вместе с тем, нашлось время и для небольшого торжества: в феврале 1919 г. отмечалось 100-летие университета. «Время для празднования юбилея было мало подходящим, никто не придерживался больше старых традиций и не вспоминал юбилейных дат. К тому же университет перестал быть единственным университетом в Петрограде», – вспоминал С.Э. Фриш. По его мнению, именно существование II и III Петроградских университетов «послужило одним из поводов к тому, что ректорат решил по возможности торжественно отметить столетний юбилей первого университета».

В первый же день празднования, 21 февраля 1919 г., «разнесся кем-то пущенный слух, что объединят оба университета, причем это объединение произойдет в виде присоединения первого университета ко второму. Таким образом, столетний Петербургский университет будет закрыт. Говорили, что на юбилейное заседание приедет представитель Советской власти объявить об этом».¹¹² В качестве представителя советской власти в университет прибыл лично нарком просвещения А.В. Луначарский, который «рассказал о новых задачах, которые должен теперь решать советский народ, и призвал университет и его ученых оказать всемерную помощь рабочему классу, Совет-

¹⁰⁹ «Город Петра Великого умирал, и вместе с ним уходила целая эра российской истории...» (Сорокин П.А. Долгий путь... С. 108).

¹¹⁰ Гиппиус З. Н. Указ. соч.; Сорокин П.А. Долгий путь... С. 141-146; Ростовцев Е.А. Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 72, 74-77; Фриш С.Э. Указ. соч. С. 94-95, 102-103 и т.д.

¹¹¹ Жаба С.П. Указ. соч. С. 27.

¹¹² Фриш С.Э. Указ. соч. С. 95.

скому правительству». Луначарский «определил как одну из важных задач университета – сблизить науку и массы». «Пусть же запомнят все, что в этот день, несмотря ни на какие недоразумения, представитель рабочего правительства явился сюда, чтобы отвесить поклон перед университетом», – закончил он свою речь.¹¹³

Пресловутое слияние Петроградского университета (в 1918 г. он стал I Петроградским университетом) с параллельно существовавшими (с июня 1918 г.) II (отчасти: специальности, связанные с медицинским делом, были переданы в созданную в это же время Петроградскую Академию Медицинских Наук) и III Петроградскими университетами (бывшие Частный Петроградский университет при Психоневрологическом институте и Высшие женские (Бестужевские) курсы)¹¹⁴ было инициировано в августе 1919 г. постановлением Наркомпроса «О преобразовании Петроградских учебных заведений» «в целях целесообразного и рационального использования существующих в Петрограде высших учебных заведений».¹¹⁵ Решение властей вызвало негодование студенчества и профессуры всех трех университетов. О реакции I Петроградского университета упоминалось выше. Ректор II Университета М.Д. Приселков направил в Комиссариат народного просвещения СКСО записку, где изложил свой протест против слияния вузов и соображения насчет традиций университета и его места в новой системе образования.¹¹⁶ Характерна резолюция, наложенная на записку заместителем наркома З.Г. Гринбергом: «Ничего заслуж. внимания не нашли».¹¹⁷ Резко против объединения высказался и С.П. Жаба: «И профессура, и студенчество тщетно

¹¹³ Казакевич Р.А., Мандель С.З. Указ. соч. С. 165-166.

¹¹⁴ Взаимоотношения трех петроградских университетов, равно как и сам факт их сосуществования, неизменно будоражат воображение и чувство юмора не только современных читателей, но и очевидцев событий, так и не сумевших привыкнуть к советской действительности. В характерной иронической манере «университетский вопрос» Петрограда был обыгран А.Т. Аверченко в рассказе «Петербургский бред» (в сб. Нечистая сила. Книга новых рассказов. Севастополь, 1920. С. 43-45).

¹¹⁵ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1919. Ст. 397.

¹¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 123. Л. 120-122 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 120.

возражали против этой меры, уничтожавшей, без всякого смысла, ценные культурные гнезда, со своеобразными научными и преподавательскими традициями. Соображения экономии взяли верх...»¹¹⁸ В результате был образован Единый Петроградский университет в составе двух факультетов – физико-математического и факультета общественных наук (ФОН), причем последний, по оценкам современных исследователей, «оказался непродуманной и неоправданной административной мерой, не принесшей общественным наукам ничего, кроме вреда».¹¹⁹ Соответственно, историко-филологический, юридический и факультет восточных языков были ликвидированы, несмотря на активную подготовку к их глубокому реформированию: «Юридический Факультет разработал новый план преподавания ... в соответствии с общим духом времени и определенной политической окраской эпохи... Однако этот план преподавания ... хотя и был частично осуществлен, но весьма скоро, в связи с общим реакционным настроением правящих сфер и общей тенденцией к ликвидации всего того, что было введено в эпоху т.н. освободительного движения, стал постепенно подвергаться все большему и большему изменению».¹²⁰ Кроме того, в состав университета в декабре 1919 г. был влит и Петроградский историко-филологический институт – вначале на правах Педагогического института при университете; позднее он вошел в состав ФОНа.¹²¹ Оказались неудачными и оттого остались малоизвестными попытки организации в университете факультетов истории религии и социологии.¹²² Коснувшись августовского постановления Наркомпроса, нельзя не упомянуть и попытку советской власти слить воедино петроградские вузы – Лесотехнический, Горный, Путей сообщения и т.п. институты. Попытка оказалась на

¹¹⁸ Жаба С.П. Указ. соч. С. 23.

¹¹⁹ 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись. 1724-1999... С. 284.

¹²⁰ ОР РНБ. Ф. 283. Д. 52. Л. 1-4 об.; Там же. Д. 53. Л. 1-9; Там же. Д. 148. Л. 1. Аналогичная судьба постигла и гуманитарные факультеты Московского университета: см. Веселовский С.Б. Указ. соч.

¹²¹ Ендольцев Ю.А. Императорский историко-филологический институт // Нева. 2003. № 7. С. 67-68.

¹²² Хроника // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 4-5. С. 46.

редкость неудачной, и к началу 1920-х гг. независимость институтов была восстановлена.

Преобразования факультетской системы, тем не менее, не привели к быстрому преобразованию учебных планов, программ и методов преподавания (вокруг этих вопросов в середине и второй половине 1920-х гг. будет сломано немало копий): вопросы просвещения и профессионального образования продолжали оставаться «третьим фронтом» для советской власти. В.Р. Лейкина-Свирская вспоминала, что «в Университете предоставлялся выбор – учиться по старой программе или по новой, которая складывалась после Октябрьской революции. Я училась по старой».¹²³ Практически полное отсутствие планов обучения в первые годы советской власти отмечала и математик Е.С. Вентцель: «Учебных планов», как таковых, у нас не было. Профессора читали в разные годы разные курсы, в соответствии с их личным увлечением за последние годы».¹²⁴

Во второй половине 1919 и 1920 гг. социально-экономическая ситуация в Петрограде продолжала ухудшаться. П.А. Сорокин вспоминал жутковатый юмор ректора В.М. Шимкевича, на одном из заседаний Совета университета попросившего присутствовавших «не умирать так быстро. Отходя в мир иной, вы находите успокоение для себя, но создаете массу неудобств нам... Думайте прежде всего о своих коллегах, пожалуйста, и старайтесь протянуть как можно дольше».¹²⁵

Отношения профессуры Петроградского университета с новой властью оставались натянутыми, несмотря на то, что «профессора, верные до конца чистой науке, неприспособленные в большинстве своем к общественной борьбе»,¹²⁶ активного сопротивления не оказывали и оказать не могли, да и «сопротивление петроградской профессуры ... в общем было слабее, чем

¹²³ В.Р. поступила на историко-филологический факультет Петроградского университета в 1917 г., см.: Лейкина-Свирская В.Р. Указ. соч. С. 96.

¹²⁴ Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения... С. 21.

¹²⁵ Сорокин П.А. Долгий путь... С. 131-132.

¹²⁶ Жабa С.П. Указ. соч. С. 53.

московской», а «из Петрограда часто веяло некоторым миролюбием в отношении к начинаниям советской власти».¹²⁷ Существовавшее противодействие, впрочем, носило скорее идеологический характер – нежелание подстраиваться под требования большевистского миропонимания. «На лекциях я никогда не играл в политику, но приводил научные факты, независимо от того, подкрепляют они коммунистические теории или нет», – вспоминал П.А. Сорокин.¹²⁸ У «ортодоксальных» же марксистов поиски «врагов за кафедрами» выливались как раз-таки в «грубую брань» в адрес старой профессуры: «А с кафедры проповедует трансцендентальность метафизического бытия, связанного с загробным миром, вплоть до шарлатанства включительно»; «профессорская кафедра превращена [в] трибуну пропаганды антимарксистских идей с резко выраженной политической реакцией Эйхенбаумов, Грузенбергов и прочих бергов вроде академика Щербы, Авенариуса и ряда других буржуазных ученых, стремящихся опровергнуть методы Марксизма во всех областях науки и искусства», – негодовал бывший член коллектива ВКП(б) ЛГУ П.А. Сморжев (впоследствии за собственную грубость и комчванство из рядов коллектива исключенный).¹²⁹ Впрочем, подобные выступления в то время были все же явлением из ряда вон выходящим. Тем не менее, система «политического» контроля за всем произносившимся в аудиториях начала воплощаться во многом по инициативе «снизу» при негласном одобрении «сверху» – «была выработана система доносов на профессоров, слежки за ними и улавливания их путем постановки ехидных вопросов при лекциях».¹³⁰

На излете «военного коммунизма» хозяйственное положение университета оставалось крайне тяжелым. Достаточно упомянуть тот факт, что снижался даже относительный уровень финансирования высшей школы: «в 1915 г. доля народного просвещения в народном бюджете составила 8,2%, в

¹²⁷ Московский университет. 1755-1930... С. 193, 217.

¹²⁸ Сорокин П.А. Долгий путь... С. 130.

¹²⁹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 21. Л. 217-219. Коллективом РКП(б) (затем ВКП(б)) называлась партийная организация в стенах университета (в 1931 г. реорганизована в партийный комитет).

¹³⁰ Московский университет. 1755-1930... С. 179.

1918 – 6,3%, в 1919 г. – 8%, 1920 – 10,4%, в 1921 – 8,9%, а в 1922 г. – только 3,5%», – с учетом того, что на баланс Наркомпроса легли прежде не находившиеся в ведении Министерства народного просвещения расходы на дошкольное образование, внешкольную деятельность, социальное обеспечение учащихся.¹³¹ А.П. Купайгородская заметила, что «по официальной оценке, суммы, выделенной Главпрофобру, могло хватить лишь на отопление вузов Москвы и Петрограда – «по самым голодным нормам».¹³² Но даже средства на оплату (свыше 3 миллионов рублей в год) дров, доставлявшихся в университет Петроградским центральным кооперативным товариществом, приходилось «выбивать» многократными ходатайствами.¹³³

Таким образом, в 1917-1922 гг. положение университета – как материальное, так и социально-политическое – значительно ухудшилось. Несмотря на отмену ограничений по приему, количество студентов по ряду причин неуклонно снижалось. Хозяйственная разруха, бытовая неустроенность, голод, спешные бессистемные преобразования («декретное озорство») Наркомпроса, отсутствие разработанного плана развития высшей школы, чрезвычайные меры военного времени обусловили неприязнь вузовской интеллигенции, приводили ее к истощению физических и психологических сил, вызывая преждевременную смерть. Фактически отказавшись от услуг профессорско-преподавательского состава в деле реформирования высшей школы, Наркомпрос отвратил от себя большую часть не только «правой», но и нейтрально настроенной профессуры.

¹³¹ Народное просвещение. 1922. № 104. С. 4; Там же. 1923. № 2. С. 15. Цит. по: Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 213.

¹³² Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 213.

¹³³ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 123. Л. 130.

Глава II. Петроградский-Ленинградский университет в 1922-1925 гг.

По мнению А.П. Купайгородской, именно с периодом первой половины 1920-х гг. связаны наиболее крупные успехи по перестройке Петроградского/Ленинградского университета из университета императорского в университет советский. Большевики-реформаторы образования сами представляли такой идеал весьма туманно, отчего далеко не всегда их точки зрения совпадали даже по основополагающим вопросам. Так, например, по вопросу о роли студенческого и преподавательского участия в жизни вузов мнения высказывались полярные. Нарком А.В. Луначарский как-то жаловался В.И. Ленину, требуя, «чтобы ЦК партии установил раз навсегда какую-нибудь одну линию. Что от нас требуется: введение железного устава, от которого, конечно, **не только московская профессура, но и петроградская взвоет...** введение профессуры в чисто исполнительную роль с отстранением от всякого управления, кроме учебного; или от нас требуется сговор с профессурой, назначение на высокие места в Главпрофобр людей, приемлемых для профессуры, введение в рамки, наоборот, студентов коммунистов и коммунистов Рабфака, постепенное расширение автономии и профессорской, и беспартийной студенческой».¹³⁴ Стремление к мирному урегулированию конфликтов было характерны вовсе не для всего состава Коллегии Наркомпроса: протестуя против назначения В.П. Потемкина членом Коллегии, Луначарский с негодованием заметил, что «В.П. Потемкин в свое время ... требовал от Коллегии Наркомпроса в години особенно острых реформ в школьном деле разрешения идти собственным острым, революционным путем ... В результате произведена была ужасающая ломка школьной жизни в Москве».¹³⁵

Как было отмечено в предыдущей главе, к началу нэпа университет находился в состоянии упадка, материальной разрухи и внутренней неста-

¹³⁴ В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка, доклады, документы... С. 275. Выделение наше (см. выше с. 41 о «миролюбивости» петроградской профессуры).

¹³⁵ Там же. С. 75.

бельности, спровоцированной, главным образом, недалёковидной, но – эпизодически – напротив, цинично расчётливой политикой государственных и партийных органов. «Новому ректору университета профессору Н.С. Державину и коммунистической организации университета предстояла нелегкая задача — как можно скорее покончить со всеми ... недостатками в жизни университета и навести в нем подлинно революционный большевистский порядок».¹³⁶

Свидетель событий, учившийся в университете в 1920-1924 гг., отметил, что «в начале 1920-х гг. университет был изменен незначительно – те же профессора, что и прежде, читали те же курсы, что и прежде».¹³⁷ Е.С. Вентцель вспоминала, что «в то время ... нас «перестраивали», а мы сопротивлялись. Сопротивлялась, как ее полуофициально называли, «белогвардейская профессура». Она свирепо отстаивала право студента ходить только на те лекции, которые он сам для себя выбирал».¹³⁸

«1922 год был поистине годом массового штурма университетских аудиторий. Окончилась гражданская война. Освободились для мирного труда и учебы многие тысячи коммунистов и комсомольцев, поток их хлынул в высшую школу».¹³⁹ Недостаточность подготовки пролетариев «от станка и сохи» и невозможность освоения ими университетского курса тем временем стали уже очевидным фактом. В первой половине 1920-х гг. наблюдается бурный рост рабфаковского движения, волна открытий новых рабфаков (вскоре, впрочем, сменившаяся такой же волной их укрупнения, расформирования, преобразования из дневных в вечерние и наоборот, вливания рабфаков в состав втузов и комвузов и т.д.); в эти годы появляется значительное количество литературы, посвященной как методологическим поискам, так и размышлениям об будущности рабочих факультетов. «Роль [рабфаковцев] в

¹³⁶ Шариков К.Г. Университет на подъеме // На штурм науки... С. 28.

¹³⁷ Harvard Project on the Soviet Social System. Schedule B, Vol. 6, Case 401 (interviewer S.H.). P. 1. Widener Library, Harvard University. (Режим доступа: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:962295>. 10 апреля 2016 г.)

¹³⁸ Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения... С. 23.

¹³⁹ На штурм науки... С. 4.

деле реформы высшей школы ... колоссальна. Под влиянием и при участии рабфаковцев весь строй высшей школы меняется коренным образом: взамен скучных традиционных лекций и скороспелых зачетов ... самостоятельность, инициатива и исследовательская работа студента ... отводится первое место увязке теории с практической жизнью».¹⁴⁰

Совершенно иной, куда более скептический взгляд представлен современным исследователем: «для того чтобы из рабфаковца сформировался полноценный специалист, требовалось 8-10 лет упорной учебы – вначале на рабфаке, а затем в высшем учебном заведении. Следовательно, рабфаковцы набора 1920-1921 гг. получали диплом специалиста только в самом конце 20-х годов».¹⁴¹ Другую сторону проблемы освещает А.П. Купайгородская: «Стремлению формировать рабфаки лучшими, способнейшими представителями рабочих противодействовало ... сопротивление администрации предприятий, желавшей сохранить наиболее ценные кадры ... Поэтому нередко командировались ... случайные люди, и даже просто безработные».¹⁴²

С.П. Жаба считал одним из главных недостатков рабфаковцев их полную зависимость от государства, вынуждавшую следовать «правилам игры». Это превращало рабфаки в один из важнейших каналов коммунизирования и пролетаризации состава студенчества. Другим таким каналом стало насильственное уменьшение в них представителей «свергнутых историей» классов, а заодно – и лиц, нелояльных к советской власти. И если мобилизации студентов в действующую армию в 1918-1920 гг., о которых писал С.П. Жаба, носили, безусловно, репрессивный характер, но были мерой разовой, то с начала 1920-х гг. начинает воплощаться система постоянного контроля студентов, их политических взглядов и убеждений, социального происхождения. До того времени аппарат пролетарской диктатуры не имел «ни навыков, ни

¹⁴⁰ Шведов С. Роль и значение рабочего факультета в системе народного образования СССР // Научный работник. 1926. № 1. С. 103.

¹⁴¹ Королева В.В. Указ. соч. С. 86.

¹⁴² Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 283.

специальных органов для надзора за высшими учебными заведениями. Еще не были выработаны методы для борьбы со студенчеством».¹⁴³

Академическая успеваемость, борьба за которую формально ставилась во главу угла, на самом деле прикрывала основную цель – очищение высшей школы от «социально чуждых» элементов.¹⁴⁴ По мнению А.Ю. Рожкова, «большевики не могли позволить такой молодежи [т.е. нелояльной к советской власти] окончить высшую школу и поставить тем самым под удар решение задач пролетарской революции. Кадровая концепция руководителей партии и государства в 20-е гг. состояла, в обобщенном виде, в следующем: неважно, каких специалистов дает высшая школа; важно, чтобы они были *идейно* преданы советской власти».¹⁴⁵

Чистки студенческого состава университета в середине 1920-х гг. не были новеллой: еще в сентябре 1922 г. «распоряжением начальника Особого отдела ГПУ Г. Ягоды ... было запрещено продолжать обучение в вузах бывшим белым офицерам».¹⁴⁶ Желавшие продолжить обучение должны были пройти через особые комиссии («тройки»), состоявшие из представителей ГПУ, губкома партии и Петропрофобра. Надо заметить, что чрезмерной «кровожадностью» эти тройки не отличались: из семи ходатайств о продолжении обучения «б.б. офицеров», рассмотренных на заседании комиссии 12 мая 1923 г., были удовлетворены все. Предлоги для этого были названы са-

¹⁴³ Чистки в ВУЗах в 1922-1924 гг. // Федеральный портал protown.ru. [Б.м.], 2012. Электрон. дан. Режим доступа: <http://protown.ru/information/hide/7123.html>. (10 апреля 2016 г.)

¹⁴⁴ Ходяков М.В. «Исключить за сокрытие социального положения»: «чистки» в Ленинградском университете второй половины 1920 – начала 1930-х годов // Россия. Век двадцатый: Сб. ст. к 95-летию д.и.н. В.М. Ковальчука / редкол.: А.Н. Чистиков (отв. ред.), Б.В. Ананьич, В.Н. Плешков, А.И. Рупасов. СПб., 2011. С. 281.

¹⁴⁵ Рожков А.Ю. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002. С. 213-214. Курсив в источнике.

¹⁴⁶ Ходяков М.В. «Исключить за сокрытие социального положения»... С. 283. «Почто-телеграммой ООГПУ от 16/IX 22г. № 168798 было воспрещено продолжение образования бывш. белым офицерам в ВУЗах. В целях окончательного урегулирования этого вопроса предлагается создать на местах особые Комиссии, ведению коих подлежит рассмотрение ходатайств бывших белых офицеров, желающих продолжать образование в ВУЗах» (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11Секр. Д. 1. Л. 35).

мые различные – «как занимавшему незначительную должность в белой армии и как инвалиду», «пролетарское происхождение и 1½ годичная служба в Красной Армии», «отзывы партийных товарищей».¹⁴⁷ Риторика же и подход центрального аппарата ГПУ были куда жестче: «Несмотря на неоднократные обращения ... изъять из Высших Учебных заведений студентов - бывш. офицеров белых армий ... с Вашей стороны никаких конкретных мер к сему не принималось. ... Петрогуботдел ГПУ предлагает незамедленно принять соответствующие меры к изъятию указанных в списках лиц из Вуз-ов г. Петрограда и губ.»¹⁴⁸

Кроме того, в качестве ответа на студенческие выступления 1920-1921 гг. была проведена «перерегистрация» студентов и слушателей. Официальная позиция Главпрофобра состояла в необходимости «освобождения от незанимающихся и неуспевающих студентов в связи с сокращением сети вуз». «Косвенно о масштабах «чистки» можно судить по тому, что количество вузов в стране резко снизилось с 159 в 1921 г. до 99 в 1922 г.; численность студентов в них соответственно сократилась с 197 тыс. до 130 тыс. чел.»¹⁴⁹ В результате широкий размах приобрело формирование рассылавшихся по всей стране «черных списков» «вычищенных» из вузов. В одном из таких писем, пришедшем в адрес Управления уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда, прямо заявлялось: «Поименованные ниже лица, как политически неблагонадежные, выкинуты из Кубано-Политехнического Института и не должны быть приняты в ВУЗ».¹⁵⁰ «История Ленинградского университета» приводит следующие цифры результата чисток: «Перерегистрация ... привела к исключению 1997 человек, в том числе 306 – за неуспеваемость и 1691 – за перерыв в учебе».¹⁵¹

¹⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11Секр. Д. 1. Л. 2-2 об.

¹⁴⁸ Там же. Л. 5.

¹⁴⁹ Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 236.

¹⁵⁰ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11Секр. Д. 5. Л. 11.

¹⁵¹ История Ленинградского университета. 1819-1969... С. 261.

Однако даже несмотря на столь «выдающиеся» результаты 1922-1923 гг., наибольшую известность приобрела т.н. «академическая чистка», прошедшая в 1924 г. А.Ю. Рожков склонен связывать ее начало с выступлением «левой оппозиции», поддержанной значительным количеством студенчества,¹⁵² хотя в качестве «вывески» использовалось «освобождение от балласта». Любопытно, что сам начальник Главпрофобра И.И. Ходоровский никакого секрета из причин чистки не делал: «Среди хлынувшей в высшую школу молодежи мы имели много ценных в классовом отношении элементов, но вместе с ценными элементами ... проникли в наши Вуз'ы в большом количестве элементы нам чуждые, с пролетариатом и крестьянством не связанные и имеющие совсем мало общего с нашей советской общественностью».¹⁵³ Согласно постановлению СНК РСФСР от 16 мая 1924 г. «О сокращении наличного количества учащихся в вузах», все студенты должны были пройти через комиссии, состоявшие из «представителей администрации и общественных студенческих организаций».^{154,155} Чистка вызвала большой общественный резонанс и шквал недовольства отчисленных.¹⁵⁶ А.Ю. Рожков упоминает о нескольких случаях самоубийств «вычищенных».¹⁵⁷ Достоин внимания помещенное в Приложении 2 (с. 93) письмо «вычищенной» из университета за несдачу курсового минимума студентки. Особенное возмущение участников событий вызывала неравномерность подхода к разным классовым группам: «с рабочего, который не учился в гимназии, и которому поэтому трудно дается работа в Вуз, мы спрашиваем гораздо меньше, чем с того студента, который вырос и воспитался в другой социальной среде и с детства готовился к работе в высшей школе. ... Прежде чем решить судьбу рабочего студента, мы прощупываем его со всех сторон: если он отстал, но может догнать, мы ему в

¹⁵² Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 238.

¹⁵³ Ходоровский И.И. К проверке состава учащихся // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 113.

¹⁵⁴ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1924. Ст. 468, 614.

¹⁵⁵ Ходяков М.В. «Исключить за сокрытие социального положения»... С. 281.

¹⁵⁶ В. Ш-рин. Чистят. (С натуры и по официальным документам) // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 125.

¹⁵⁷ Рожков А.Ю. Студент как зеркало Октябрьской революции // Родина. 1999. № 3. С. 71.

этом помогаем, даем сроки и т.п.; если он не может справиться с работой в данном Вуз'е, – мы стараемся перевести его в другой Вуз, более для него подходящий. И исключаем только тогда, когда он оказывается неспособным усвоить программу высшей школы вообще».¹⁵⁸

М.Б. Рабинович, бывший в описываемое время студентом университета, вспоминал, что «при опросе в комиссии главным было выяснение социального лица, чтобы побыстрее избавиться от «чуждого» элемента. Те, кого комиссия признавала «чуждыми» ... безжалостно исключались из университета. При этом часто проявлялось полное невежество, — члены комиссии, например, не делали различия между старым кадровым офицером и прапорщиком запаса, мелким чиновником и крупным сановником в прошлом, богатым купцом и мелким лавочником «черты оседлости»».¹⁵⁹

В то же время, несмотря на явно привилегированное положение членов партячеек, расслабиться во время проверки им отнюдь не удалось: «во время академической проверки тряслась вся категория так называемых «партийных кляч». Очков заработанных было мало, а комиссии в своем подходе были очень суровы».¹⁶⁰ Одной из причин этого стала крайне низкая успеваемость членов партколлективов вузов, перегруженных общественной и партийной работой. С этой целью ЦК партии проводил длительную, но малоуспешную кампанию по «разгрузке» партийцев.

Одним из главных итогов чистки стало укрепление рабоче-крестьянской прослойки в университете: «по некоторым данным, в 1924 г. выходцы из рабочих и крестьян в университете составляли еще только третью часть студентов – 2692 чел., а к 1927/1928 учебному году их стало уже свыше 50%. Пролетаризация высшей школы ... давала свои плоды».¹⁶¹

¹⁵⁸ Ходоровский И.И. К проверке состава учащихся... С. 116.

¹⁵⁹ Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб., 1996. С. 85.

¹⁶⁰ Богомолов Н.А. Партработа в вузах // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 37.

¹⁶¹ Ходяков М.В. «Исключить за сокрытие социального положения»... С. 282.

Еще одной задачей, решить которую была призвана «академическая проверка», можно считать перераспределение стипендиального фонда.¹⁶² В результате количество стипендий уменьшилось на 30% (с 67,7 тыс. до 47 тыс.), но размер их удвоился, составив 20 рублей в Москве и Ленинграде и 16 рублей в провинции, что привело к увеличению стипендиального фонда с 7 до 10 миллионов рублей. «Может ли государство при нынешних условиях ... полностью на 100% обеспечить нуждающееся студенчество?» – задавал вопрос Г. Восканьян и тут же отвечал на него: «Если исходить ... из государственной точки зрения ... конечно, нет. В эпоху диктатуры пролетариата ... пролетарское государство не может позволить себе затратить на высшее образование больше, чем это разрешают ресурсы государства».

Третий момент, заключающийся в опасности перепроизводства квалифицированных специалистов, был сформулирован И.И. Ходоровским: «наша промышленность, по сравнению с довоенным временем, сократилась в 2½ раза ... В наших индустриально-технических Вуз'ах насчитывается 45.000 студентов. Если допустить, что только одна треть этого количества окончит Вуз'ы, то и тогда мы в ближайшие 4-5 лет будем иметь только по РСФСР новых инженеров не менее 15.000, тогда как ... для всего СССР потребуется в пятилетие всего только 8.000 новых инженеров».¹⁶³

Одним из самых неоднозначных мероприятий 1924 г. следует, по-видимому, считать также отказ от принципа бесплатности образования. Вышедший в 1924 г. декрет «О взимании платы в высших учебных заведениях РСФСР» устанавливал жесткую шкалу взимания оплаты за обучение.¹⁶⁴ «Или государственная дотация за счет народного хозяйства, или же взимание платы за право обучения, других путей нет. Какой же из этих путей наиболее целесообразный и выгодный для пролетарского государства? Надо предполагать, что второй, ибо отказ от взимания платы за право обучения означает со-

¹⁶² Восканьян Г. О стипендиях и платности в 1924/25 учебном году // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 100.

¹⁶³ Ходоровский И.И. К проверке состава учащихся // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 115.

¹⁶⁴ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1925. Ст. 10

вершенное непонимание новой экономической политики», – писал член Коллегии Наркомпроса. Все эти трескучие слова о «непонимании сути» означали на деле то, что советская власть открыто расписалась в неспособности выполнения собственных обещаний. В 1924/25 учебном году платой было обложено 12.911 человек (или 11% студентов РСФСР), с которых предполагалось получить порядка 700.000 рублей; впоследствии предполагалось обложить еще около 58.000.¹⁶⁵ А.Г. Ермошко отмечает, что правом на бесплатное обучение пользовались «выпускники рабфаков, члены РКП(б), члены РКСМ, беднейшие крестьяне, безработные, бывшие воины Красной Армии, работники просвещения и их дети, круглые сироты, находящиеся на государственном снабжении, лица, командированные партийными организациями».¹⁶⁶ Введение платы было встречено крайне тяжело. А.П. Купайгородская отметила, что «А.В. Луначарский, предложивший ввести плату за учение, оценивал этот шаг как «крушение наших планов по народному образованию». С мест приходили сообщения, в которых мелькали слова «паника», «растерянность», «потрясение».¹⁶⁷

А.Ю. Рожков отметил классовый характер назначения платы: «Тяжелее всех было непролетарскому студенчеству. Советская власть не только обрекла его на самовыживание, но и заставила оплачивать учебу».¹⁶⁸ В середине 1920-х гг. плата за обучение для лиц непролетарского происхождения колебалась от 100 до 200 рублей в год в зависимости от материального положения родителей. Рабочие вносили плату в размере от 25 до 150 рублей в зависимости от заработка. Крестьяне должны были платить от 15 до 25 рублей.

¹⁶⁵ Восканьян Г. О стипендиях и платности в 1924/25 учебном году... С. 101.

¹⁶⁶ Ермошко А.Г. Указ. соч. С. 140.

¹⁶⁷ Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 307.

¹⁶⁸ Рожков А.Ю. Студент как зеркало Октябрьской революции... С. 73.

По подсчетам А.П. Купайгородской, в 1924/25 учебном году свыше 35% обучающихся в Ленинградском университете студентов платили за обучение.¹⁶⁹

Новшеством в системе высшей школы стало введение непрерывной производственной практики, начавшееся в 1924 г. «Она дополняет общий курс, пройденный студентов в течение зимы в Вуз'ах, и дает практические навыки к будущей работе в производстве», – так определил задачи практики Г. Восканьян.¹⁷⁰ ЦК РКП(б), определив основной задачей высшей школы «подготовку работников для практической деятельности, для производства», предписал «возможно ближе» связать с практикой «все построение преподавания и всю жизнь вузов». «Практика должна, прежде всего, ввести студента в понимание той среды и тех условий, в которых ему придется работать», – отмечалось в постановлении ЦК.¹⁷¹ Введение практики, в большинстве случаев, не привело к положительным сдвигам в смысле повышения качества образования, и в особенности плохо обстояло дело с достижением главной цели непрерывной производственной практики – «смычкой» высшей школы с производством. С одной стороны, это было вызвано, как и в других вузах, недостаточно внимательным и вдумчивым подходом со стороны руководящих органов – администрации вузов и предприятий.¹⁷² Кроме того, в случае с университетом дурную службу сослужила, как ни странно, фундаментальность и широта образования, ставшие ненужными и даже вредными с приходом к власти технократически настроенных большевиков:¹⁷³ «На ближайшее

¹⁶⁹ Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л., 1984. С. 139; 275 лет. Санкт-Петербургский государственный университет: Летопись. 1724-1999... С. 285.

¹⁷⁰ Восканьян Г. Итоги всесоюзного совещания пролетарского студенчества // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 120.

¹⁷¹ О работе высшей школы (из постановления ЦК РКП(б) от 12 января 1925 г.). Цит. по: Народное образование в СССР. Сб. док. 1917-1973 гг... С. 413-414.

¹⁷² с пугающим постоянством писала об этом университетская газета «Студенческая правда» (с 1930 г. – «Ленинградский университет»), дебют которой состоялся, увы, лишь в конце 1927 г., – см., например, №№ от 19 апреля 1928 г. (с. 1), 15 февраля 1929 г. (с. 2), 22 февраля 1930 г. (с. 2), 28 ноября 1931 г. (с. 4), и т.д.

¹⁷³ см. для примера: Збарский И.Б. Указ. соч. С. 98-99: «Нам нужны не кабинетные ученые, а специалисты, необходимые для социалистической промышленности».

время неотложной задачей пролетстуда является ... устранение из учебных планов и программ излишней теоретичности, многопредметности, сближение предметов с практической жизнью...». ¹⁷⁴

Девальвацию университетского диплома с тревогой отмечали и сами студенты: «Учреждения, предприятия и даже Главпрофобр пренебрежительно относятся к студенчеству физмата и всегда предпочитают им студентов В.Т.У.З.-ов», – отметила в докладе на заседании фракции РКП(б) и РЛКСМ биологического отделения физико-математического факультета ЛГУ от 5-го февр. 1925 г. член коллектива РКП(б) ЛГУ Д. Стальская. ¹⁷⁵ Слабая востребованность выпускников классического университета (обусловленная и более слабой их профильной подготовкой ¹⁷⁶), как отмечалось на том же заседании, «создает у студентов, **особенно у членов [коммунистической] фракции** отрицательное, подчас ликвидаторское настроение, по отношению к своим отделениям». ¹⁷⁷ Несмотря на лапидарность протокольных формулировок, без особенного труда можно уловить упадническое настроение студентов, рассчитывавших на благоприятные карьерные перспективы по окончании университета, однако наткнувшихся на полное отсутствие энтузиазма со стороны потенциальных работодателей, – или же – напротив, болезненно-деятельное, приводившее к мысли о необходимости немедленного «закрытия Физмата или о коренной ломке его, превращении во В.Т.У.З.»: «Из случаев по добыванию мест летней практики [докладчики в прениях] приходят к выводу, что отделение как не вырабатывает практиков-специалистов нужных государству и могущих сразу, по окончании применить свои знания на практике, должно быть закрыто, или подвергнуто коренной ломке». ¹⁷⁸ Стальской

¹⁷⁴ О работе высшей школы (из постановления ЦК РКП(б) от 12 января 1925 г.). Цит. по: Народное образование в СССР. Сб. док. 1917-1973 гг... С. 413-414.

¹⁷⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 122. Л. 4-4 об.

¹⁷⁶ Konecny P. Conflicts and Community... P. 4.

¹⁷⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 122. Л. 4-4 об. Выделение наше.

¹⁷⁸ Там же. Л. 4 об., 5. Следует отметить, что это пожелание вскорости – по сути, уже к 1931 г. – было исполнено.

не оставалось ничего другого, кроме как предложить «заняться усиленной проработкой учебных планов, программ и методов преподавания, приспособляя свои программы к жизни. Если мы как следует усвоим сумму знаний, которую дает Университет, то мы найдем свое место и сможем применить свои знания на практике».¹⁷⁹

Одновременно происходило и преобразование методов преподавания. Лекционный метод был объявлен едва ли не антисоветским,¹⁸⁰ однако органы управления образованием, как и работавшие в них деятели, так и не смогли прийти к единой точке зрения. Так, во время ректорского совещания в Москве в середине мая 1926 г. И.И. Ходоровский назвал лекции «методом преподавания, по своему значению при известных условиях не менее ценным, чем другие его виды, а по целому ряду предметов совершенно необходимым» и отметил, что «соотношение лекционных часов и часов других видов занятий, примерно, должно занимать в среднем около 50%».¹⁸¹ Заседание Организационной комиссии ЛГУ в апреле 1926 г. констатировало, что «лекционный метод также необходим, поскольку профессор, читая лекцию, строит ее научно и тем самым приучает студентов работать научно, а главное вырабатывать научную мысль». А декан ФОНа/Ямфака Н.С. Державин и вовсе заявил, что «изгнание лекционного метода атрофирует способность студентов к слушанию».¹⁸² Исследователь высшей школы Петрограда-Ленинграда в переходный период А.П. Купайгородская отмечает, что «избранный в качестве универсального лабораторно-групповой метод ... замаскировал на некоторое время фактическое снижение успеваемости, тоталитарное его внедрение вело к пренебрежению спецификой предмета, творческой индивидуальностью преподавателя».¹⁸³ В изданных в 1948 г.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Кржишковский К.Н. К вопросу об изменении методов преподавания // Научный работник. 1925. Кн. 3. С. 65-70 и др.

¹⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 158. Л. 10 об.

¹⁸² Там же. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 566. Л. 157.

¹⁸³ Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 29.

«Очерках по истории Ленинградского университета» чрезмерное увлечение новомодными методиками и вовсе записали на счет «перегибов и извращений» «леваков» и даже прямых врагов народа».¹⁸⁴

Исследователи советской высшей школы, как советские, так и их современные коллеги, склонны относить реформы на счет профессионализации высшей школы, ухода от фундаментальности, характерной в особенности именно для университетского образования.¹⁸⁵ Выступая на Всесоюзной конференции пролетарского студенчества в январе 1927 г., И.И. Ходоровский выразился по этому поводу витиевато: «Много споров ... ходит [относительно того], кого должны готовить наши ВУЗ'ы: узких ли специалистов или энциклопедистов со всесторонним образованием. ... ВУЗ должен дать специалистов, но, вместе с тем, он должен давать и общую научную подготовку».¹⁸⁶ Ректор университета В.Б. Томашевский задачу университета видел в подготовке «высококвалифицированных специалистов, в первую очередь, работников для учреждений Главнауки и НТО ВСНХ, а также преподавателей ВУЗ'ов». В связи с этим утверждалось, что миссия университета – давать «высококвалифицированных специалистов, подготовленных с упором на глубокое знание материала и его научно-теоретическую разработку. ... в этом смысл его существования, и этим определяется его высокой важности государственное значение».¹⁸⁷ Нельзя не отметить, как удивительно точно перекликаются эти слова с бытовавшим до Октябрьской революции и некоторое время после нее восприятием университетского учебного курса как средства «дать молодым людям **научное** образование».¹⁸⁸

Отмечено, что в 1919 г. в университеты Советской России была влита известная толика «коммунистов и коммунистообразных». Но точно так же,

¹⁸⁴ Ленинградский университет за советские годы. 1917-1947... С. 26.

¹⁸⁵ Хаминов Д.В. Историческая наука и образование в Томском университете: конец XIX в. – 1991 г. : дисс. ... к.и.н. Томск, 2010. С. 63; Новиков М.М. Указ. соч. С. 21-22.

¹⁸⁶ Вопросы высшей школы // Красная газета [вечерний выпуск]. 1927. 8 января.

¹⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 566. Л. 160-161 об.

¹⁸⁸ Марголин Д.С. Справочник по высшему образованию. 5-е изд. Пг.; К., 1918. С. 35-36.

как в свое время практика создания рабфаков как средства советизации студенчества уступила место чисткам, так и в этом случае практика приглашения «икапистов» как средства «коммунизирования» профессорско-преподавательского состава уступила место масштабным «оргвыводам». Так, в сентябре 1924 г. (т.е. непосредственно после начала очередного учебного семестра) два десятка преподавателей ФОНа получили письма от ректора, в которых сообщалось дословно следующее: «Согласно постановлению Правления ... Вы освобождаетесь с 1 сего Октября от преподавания в Университете за сокращением штата на ликвидируемых Отделениях ФОН'а».¹⁸⁹

Примечательно, что именно в этой ситуации раскрылись лучшие душевные качества знаменитого историка, академика С.Ф. Платонова. Узнав А.В. Бородину несчастье, Платонов немедленно добился разговора с ректором университета Н.С. Державиным, во время которого отказался от должности председателя АРХО ФОНа и от своей профессорской ставки с просьбой передать ее «проф. А.В. Бородину, который неизвестно кем отставлен вовсе от преподавания [курса] «Истории учреждений», порученного ему всего год назад».¹⁹⁰

Хлопоты академика Платонова увенчались успехом: «По протоколу заседания Правления Ленинградского Университета 13/XI 1924 г. определено восстановить А.В. Бородину в составе профессоров АРХО ФОН'а и поручить ему с 1/XI чтение курса «История учреждений древней России» вместо проф. Платонова».¹⁹¹ Однако успех оказался недолговечным: в ходе очередной «перетряски» ФОНа в процессе его преобразования в Ямфак «Расценочно-конфликтная комиссия Ленингр. Ун-та в заседании 14-го Октября 1925 г. постановила: снять с оплаты с 1-го Октября с.г., согласно постановления Орг-

¹⁸⁹ ОА СПбГУ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 356. Л. 17.

¹⁹⁰ Там же. Л. 18.

¹⁹¹ Там же. Л. 20.

комиссии с выплатой выходного пособия профессоров: БОРОДИНА, А.В. ...»¹⁹²

В середине 1920-х гг. Петроградский университет менялся решительно и неуклонно. Последним фактически независимым ректором остался скончавшийся 23 февраля 1923 г. «полководец за автономию»¹⁹³ В.М. Шимкевич, а занявший в мае 1922 г.¹⁹⁴ его пост глава Петроградской группы левой профессуры Н.С. Державин сумел добиться этого, не в последнюю очередь, по той причине, что был фигурой в известном смысле удобной как для профессуры, так и для представителей большевистской власти. Н.С. Державин оценивается ныне как фигура крайне неоднозначная и противоречивая: «Ему принадлежит решающая роль в реорганизации университета в русле новых идеологических установок советской власти, – отмечает С.Н. Темушев. – Марксистская теория, диалектико-материалистический метод, теория классовой борьбы ... приводили к регрессу в области гуманитарных знаний. Это также видится закономерным в условиях вытеснения «старых специалистов» и приобретения влияния людьми, преданными новой власти, но прикрывающими модной революционной фразеологией свою научную несостоятельность».¹⁹⁵ Снятие Державина с поста ректора в мае 1925 г. было благосклонно встречено в кругах «правой» профессуры, которой «не нравилась его Ректура».¹⁹⁶

¹⁹² Там же. Л. 24-24 об.

¹⁹³ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11 Секр. Д. 18. Л. 31.

¹⁹⁴ Темушев С.Н. Жизнь и творчество в двух измерениях и эпохах // Российские и славянские исследования. 2009. Вып. 4. С. 372.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 218. Л. 5.

Глава III. Ленинградский университет в 1925-1929 гг.

Рубеж же 1920-х – 1930-х гг. всеми без исключения исследователями признан переломной точкой внутренней политики советской власти. В 1928 г. начинается реализация первого пятилетнего плана. Двумя годами ранее партия взяла курс на сплошную коллективизацию крестьянских хозяйств. Как было отмечено во введении, не миновала переворота и советская культурная политика.

По мнению Ш. Фицпатрик, советская власть до 1928 г. реализовывала политику «мягкой линии» (soft line), не являвшуюся ни либеральной, ни антикоммунистической, заключавшейся во взаимовыгодном сотрудничестве власти с интеллигенцией, предложенном самой партийно-государственной властью в виде негласного договора, не предусматривавшего каких-либо пересмотров, обсуждений или гарантий.¹⁹⁷ До известного срока – до создания пролетариатом собственной, пролетарской интеллигенции – власть пользовалась услугами «старой», в большей или меньшей степени продолжавшей пользоваться некоторыми привилегиями. К ним можно отнести, к примеру, создание в 1921 г. отдельной Секции научных работников (СНР) в структуре Профсоюза работников просвещения (Рабпроса)¹⁹⁸ или же сохранявшуюся до 1928 г. известную автономию Академии наук. Безусловно, и на эти, и на многие другие привилегии шло активное наступление, не считая отдельных «наскоков» со стороны радикально настроенного меньшинства, однако до указанного времени натиск сдерживался – более самими коммунистами, нежели интеллигентами.

Настоящая глава открывается изучением деятельности Организационной комиссии Ленинградского университета по присоединению к нему Гео-

¹⁹⁷ Fitzpatrick S. The “Soft” Line on Culture and Its Enemies: Soviet Cultural Policy, 1922-1927 // Slavic Review. American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1974 (June). Vol. 33. No. 2. P. 267.

¹⁹⁸ Подробнее исторический путь СНР, практики ее взаимодействия с советской властью и роль СНР в развитии советской системы образования и науки исследованы в диссертации Д.В. Лобка: Лобок Д.В. Коммунистическая партия и Секция научных работников профессионального союза работников просвещения РСФСР. 1919-1934 гг. (анализ практики взаимоотношений). СПб., 1992.

графического и Химико-Фармацевтического институтов (ЛГИ и ЛХФИ, соответственно).

Период работы Организационной комиссии ЛГУ по присоединению к нему Географического и Химико-Фармацевтического институтов (Оргкомиссии, Оргкома) занял достаточно продолжительный срок – с 23 мая 1925 г. по 19 июня 1926 г. Будучи по сути временной, переходной структурой, вызванной к жизни со вполне определенными целями, в результате стечения обстоятельств более чем на год Оргкомиссия заменила собой выборное Правление университета. К сожалению, историография совершенно не выделяет этот период, каких бы то ни было упоминаний об Оргкомиссии в литературе на данный момент не выявлено вовсе. Между тем, этот период примечателен не только тем, что более года университет фактически никем конкретно не возглавлялся, но и тем, что несогласованная, обусловленная зачастую нуждами текущего момента (и пониманием этих нужд конкретными лицами) политика советских и партийных органов в отношении вуза в итоге обусловила одно из последних организованных выступлений «старой» профессуры.

При изучении деятельности Оргкомиссии особый интерес представляют отчеты и записки членов бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. Несмотря на ярко выраженный субъективный и оценочный характер некоторых суждений, эти сведения представляют собой ценный источник научных знаний. Разумеется, относиться к сообщаемым сведениям следует предельно взвешенно.¹⁹⁹ Нельзя в данном случае забывать о подспудном желании коммунистов, составлявших донесения в райком, выдать желаемое за действительное, сгустить краски и «всю профессуру Петербургского университета, всю сплошь именовать реакционной».²⁰⁰ И тем более не следует всецело полагаться на указанные материалы и видеть в них «достоверный источник ... для воссоздания

¹⁹⁹ Панях В.М. О книге В.С. Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов» (часть I-II). СПб., 1995. 354 с. // Панях В.М. Историографические эподы. СПб., 2005. С. 224.

²⁰⁰ АМИ СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405. Л. 6. И.В. Егоров цитирует слова «старейшего большевика», «неизменного председателя почти всех студенческих сходок» «вечного студента» Н.В. Аполлонова.

общественно-политических воззрений» профессуры,²⁰¹ тем более – в ситуации, когда противоположная сторона лишена возможности дать свою оценку.

Оргкомиссия создавалась как временный административный орган, призванный претворить в жизнь директиву Наркомпроса, предписывавшую присоединить Химико-Фармацевтический и Географический институты к Ленинградскому университету на правах структурных подразделений. Главной причиной тому послужил курс советского правительства на ликвидацию и укрупнение «чрезмерного» количества научных институтов и учебных заведений: «широко обставленные различные исследовательские институты ... нам не только не по карману, но, может быть, во многих случаях просто пока и не нужны ... Исследовательские институты численно растут, а высшие учебные заведения академически хиреют», – писал в 1927 г. орган Секции научных работников Союза работников просвещения журнал «Научный работник».²⁰² «Увлечение вузовским строительством первых революционных лет, столкнувшись с нехваткой средств, сменилось резким сокращением количества вузов и числа учащихся», – указывает А.А. Курепин.²⁰³ Историк высшей школы А.П. Купайгородская, впрочем, отметила тот факт, что «многочисленные реорганизации вузов, проводившиеся под лозунгом сокращения расходов, сами становились источником значительных издержек, обременявших и без того скудный государственный бюджет».²⁰⁴

Однако куда более тяжким последствием таких преобразований становился наносимый системе высшей школы и самому образованию ущерб, который был вопиющ уже для свидетелей событий. Так, бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ 26 марта 1926 г. констатировало, «что слиянием Хим.-Фарм. Ин-та с Ун-том органами Наркомпроса была проявлена грубая ошибка ... это

²⁰¹ Панеях В.М. Указ. соч. С. 225.

²⁰² Солосин И.И. К вопросу об исследовательской работе в высших учебных заведениях // Научный работник. 1927. № 2. С. 37-41.

²⁰³ Курепин А.А. Власть и наука. 1917-1937 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 63.

²⁰⁴ Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг... С. 257.

слияние, кроме разорения Хим.-Фарм. Ин-та, как учебной единицы и потери времени студентами, – ничего не дало».²⁰⁵ Тогда же бывший директор ЛХФИ, назначенный врио декана несостоявшегося химико-фармацевтического факультета ЛГУ профессор А.С. Гинзберг в письме в Главпрофобр с горечью заметил, что «дело о Ленинградском Химфармфаке касается судьбы без малого трехсот студентов (с дипломантами), в настоящее время рассеянных между двумя высшими учебными заведениями».²⁰⁶

История Оргкомиссии начинается весной 1925 г., когда «6-го Апреля 1925 года Правление Университета получило «весьма срочное» распоряжение Главпрофобра ... произвести перевыборы Правления Университета в Мае месяце 1925 г.».²⁰⁷ По ряду причин вокруг перевыборов создалась атмосфера нездорового ажиотажа. Возникла реальная опасность обострения отношений с университетом в случае избрания ректором представителя «старой» профессуры. Наркомпрос в лице заместителя уполномоченного Главпрофобра по вузам и рабфакам Ленинграда В.В. Покровского утратил инициативу и сделал ставку на методы административного воздействия,²⁰⁸ допустив тем самым серьезную ошибку. В частности, выборные собрания так и не состоялись, а 23 мая Главпрофобр, в отмену ранее поступившего распоряжения, «немедленно» прекратил полномочия Правления и отменил перевыборы вовсе. Руководство университетом было возложено на Организационную комиссию «в составе: Председатель, Уполнаркомпроса т. [С.К.] МИНИН, Зам. Председателя т. [В.Б.] ТОМАШЕВСКИЙ, Членами:

²⁰⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 35.

²⁰⁶ Там же. Л. 52. Говоря о «двух высших учебных заведениях», проф. А.С. Гинзберг имеет в виду Ленинградский университет и Ленинградский медицинский институт, между которыми были распределены студенты бывшего ЛХФИ (см. ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 48-50 об.).

²⁰⁷ Там же. Д. 219. Л. 1.

²⁰⁸ Петров В.В. Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда (1920-1930 гг.) и его деятельность по коммунизированию Ленинградского государственного университета в середине 1920-х гг. // Третья Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция. Санкт-Петербург, 18-19 октября 2013 года. Доклады и сообщения / под общ. ред. проф. Ю.В. Кривошеева. – [СПб.], 2013. С. 269-272.

академик [А.Е.] ФЕРСМАН, проф. [А.П.] АФАНАСЬЕВ /по уч. части/, [Н.С.] ДЕРЖАВИН, [А.С.] ГИНЗБЕРГ /по хоз. части/, и т. [В.Н.] НИКИТИН». ²⁰⁹ Единственной целью создания комиссии называлось «проведение организационной работы по слиянию Ун-та с Географическим Институтом и Химико-Фармацевтическим»; ²¹⁰ таким образом, Наркомпрос явно недооценивал необходимость оперативного управления высшей школой, а тем более таким сложным в общественно-политическом отношении учреждением, как Ленинградский университет. Кроме того, Оргкомиссии как фактическому органу управления было предписано «перевыборы Правления произвести не позднее 15/X сего года». ²¹¹ Тем самым недвусмысленно давалось понять, что, помимо собственно процедурной стороны, на Оргкомиссию возлагалась и подготовительная работа – выдвижение «нужных» кандидатов и обеспечение «правильности» голосования куримальных комиссий.

Непродуманное волевое решение «центра» возымело неожиданный эффект. «Этот акт ... был воспринят ... большинством профессуры как отстранение старого Правления без сдачи дел, без объявления ... Тов. Державин пошел работать в Ун-т в то время, когда ни один правый профессор не пошел бы работать с Советской властью», – отмечал организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ И.В. Тесленко. Весьма чувствительным и неприятным последствием для руководства высшей школой явилось отторжение «умеренной» части профессуры (наиболее желательных компромиссных кандидатов в члены Правления) от какой бы то ни было «политической» или административной деятельности: «Товарищи [В.В.] Покровский, [И.И.] Ходоровский и [В.Б.] Томашевский лично вели переговоры со многими профессорами и академиками, наотрез все отказавшиеся от предложения быть ректором. Академик Костычев в беседе с профессорами заявил: «лучше пойду милиционером,

²⁰⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 160. Л. 117 об.

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же. Л. 118.

чем ректором».²¹² Мотивация профессуры была в данном случае предельно ясна: «Если Державина использовав выбросили, то какая же гарантия каждому от такого выбрасывания».²¹³ В итоге, сроки заседания курительных комиссий были сдвинуты на полтора месяца – на 30 ноября и 1 декабря 1925 г.

К этому времени в расстановке сил «на фронтах» произошли некоторые изменения: уполномоченный Наркомпроса С.К. Минин, более военный и партийный деятель, средней руки теоретик марксизма, нежели специалист в практических вопросах управления образованием и наукой,²¹⁴ был серьезно болен и фактически прекратил руководство. Обязанности его в основном достались заместителю уполномоченного В.В. Покровскому, который за недолгий период работы в Управлении сумел испортить отношения практически со всеми значимыми деятелями высшей школы Ленинграда.²¹⁵ «...когда кой-кто разъехался, тов. Минин не стал являться, работа Оргкомиссии стала разваливаться».²¹⁶ Главпрофобр «с подачи» Управления уполномоченного сделал крайне опрометчивый шаг, подобрав состав Оргкомиссии без учета занятости ее членов. Заместитель председателя Оргкома, председатель литературно-лингвистического отделения ФОН ЛГУ профессор В.Б. Томашевский вынужден был совмещать множество различных постов, в том числе и заведование Ленинградским отделением Главнауки (ЛОГ).²¹⁷ Академик А.Е. Ферсман, занятый научной и административной работой в Академии, не имел ни возможности, ни особенного желания собственными руками содей-

²¹² ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2-2 об.

²¹³ Там же. Л. 3.

²¹⁴ Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112-140.

²¹⁵ Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на совещании профессуры, собранном по поручению начальника Главпрофобра И.И. Ходоровского в январе 1926 г., открыто прозвучало требование «снять тов. Покровского, с которым ни один ректор работать не сможет» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 3)

²¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2.

²¹⁷ Петров В.В. «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926-1927 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 110.

ствовать преобразованию университета под нужды новой власти, и от работы в Оргкоме устранился. Профессор А.С. Гинзберг нес основную тяжесть административной работы по техническому присоединению ЛХФИ к ЛГУ, планы в отношении которого в Совнаркоме менялись на глазах: 1 декабря 1924 г. Главпрофобр «предложил» «немедленно приступить к ликвидации Химико-Фармацевтического Института и вливанию его в качестве Химико-Фармацевтического факультета в Университет»;²¹⁸ 1 июня 1925 г. было постановлено преобразовать факультет в отделение физико-математического факультета;²¹⁹ 17 сентября его статус был понижен до «специализации» (т.е. уклона);²²⁰ а уже 14 октября, без каких-либо комментариев, «Совнаркомом по РСФСР ... постановлено: ... ликвидированный Химико-Фарм. Факультет Ленинградского Гос. Университета восстановить с переводом указанного факультета в Ленинградский Медицинский Институт».²²¹ 6 марта 1926 г. Гинзбергу было поручено принять временное руководство новообразованным факультетом и организовать его деканат.²²² Как отмечалось выше, этими импульсивными, волюнтаристскими шагами фармацевтическому образованию в Ленинграде был нанесен значительный ущерб: здание, занимаемое ЛХФИ,²²³ было передано Ленинградскому Электротехническому институту «для помещения в нем Военного Отделения и Рабфака», студенты были распределены между ЛГУ и ЛМИ, научно-преподавательские силы института оказались распылены.²²⁴ По сути дела, произошел разгром института.

Профессор Н.С. Державин, видный ученый-славист, несмотря на перегруженность научно-исследовательской, преподавательской и административной работой, в том числе и по организации на базе факультета обще-

²¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 41, 61.

²¹⁹ Там же. Л. 44, 59.

²²⁰ Там же. Л. 48.

²²¹ Там же. Л. 49, 56.

²²² Там же. Л. 37, 51.

²²³ Дом 4 по Песочной улице (ныне улица профессора Попова).

²²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 45, 47, 48.

ственных наук факультетов советского права и языкознания и материальной культуры, стал членом подкомиссии Оргкома по учебной части и исправно посещал заседания, принимая в них деятельное участие. Разгромную характеристику деятельности А.П. Афанасьева на посту члена Оргкомиссии дал его коллега В.Н. Никитин: «В Июне прошлого года Афанасьев на все заседания приходил аккуратно и принимал участие во всех работах [хозяйственной] подкомиссии ... Начиная с июля месяца ... Афанасьев принимал участие в работе очень незначительное ... В конце сентября мы встали перед вопросом единоличного управления, как по учебной части, так и хозяйственной ввиду развала этих подкомиссий».²²⁵

Таким образом, из всей представительной Оргкомиссии основная тяжесть работы по текущему управлению университетом легла на наименее представительного ее члена – студента III курса правового отделения ФОНа ЛГУ В.Н. Никитина, 1885 года рождения, члена партии с 1917 г.:²²⁶ «Остался один член Оргкомиссии тов. Никитин, которому и пришлось и до сих пор приходится нести всю обузу Ун-та».²²⁷ Именно к осени 1925 г. относится вопиющий факт, когда «впервые в истории Университета студент расписывается за ректора, принимает профессоров и т.д. и т.п.».²²⁸ В феврале 1926 г. организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ указывал, что «фактически Университетом управляют студенты-администраторы /Никитин и Начинкин, Чл. Орг. Ком. Ком. и прор. по хоз. ч. и секретарь Правл. Ун-та/».²²⁹ Однако все текущие проблемы постепенно отошли на второй план ввиду надвигавшейся перевыборной кампании.

Главной задачей момента для партийных и государственных органов оставалось «коммунизирование» Ленинградского университета, – самого неспокойного и своевольного вуза Ленинграда: «Там до 600 чел. научных ра-

²²⁵ Там же. Д. 219. Л. 31.

²²⁶ Там же. Д. 203. Л. 45.

²²⁷ Там же. Д. 219. Л. 2.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же. Л. 3 об.

ботников, среди которых много зубров-белогвардейцев», – заметил в марте 1926 г. преподаватель ЛГУ А.Д. Дрозд.²³⁰ Наркомпрос был глубоко заинтересован в образовании в университете правления, лояльного власти. Вместе с тем, было очевидно, что любая назначенная «сверху» администрация окажется нежизнеспособной. Именно поэтому вопросу перевыборов и подготовки к ним придавалось беспрецедентное значение.

Выше указывалось, что 30 ноября и 1 декабря 1925 г. должны были пройти собрания профессорской, преподавательской и студенческой курий. Предполагавшийся на выборы состав правления был практически идентичен составу Оргкомиссии, за исключением того, что на пост ректора намечался В.Б. Томашевский. Заслуживший признание коллег-преподавателей, а также значительной части «аполитичной» профессуры, популярный в студенческой среде, член партии с 1920 г., «вхожий» в Совнарком, Томашевский казался идеальным кандидатом.²³¹ Кроме того, будучи универсантом и видным ученым, он не вызывал резкого отторжения.²³² Однако, по не вполне ясным причинам, Ленинградский губком ВКП(б) отказался поддержать его кандидатуру, и согласился с ней лишь после повторных ходатайств Василеостровского райкома и бюро коллектива университета. «Но после того, как были развешаны объявления о собраниях, разосланы повестки всем профессорам и преподавателям», руководствуясь не вполне ясными соображениями, В.В. Покровский телефонограммой от 30 ноября отменил выборы, «вторично сорвав их».²³³ Этот откровенно странный поступок заместителя уполномоченного произвел на университет самое удручающее впечатление: «Профессура открыто заявляла, что коммунисты не договорились о кандидатах и выборы отменили».²³⁴ Новой даты названо не было.

²³⁰ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 36 об.

²³¹ Брачев В.С. Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта.

²³² Петров В.В. «Большой была его работа и яркой – жизнь его...» С.110

²³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2 об.

²³⁴ Там же.

Отмена перевыборов и перенос их на неопределенный срок вызывали сомнения в искренности намерений советских органов, формально декларирующих неприкосновенность академических традиций.²³⁵ Разлад в стане коммунистов, выступление «ленинградской оппозиции» на XIV Съезде ВКП(б), расколовшее парторганизации Ленинграда, речь Н.И. Бухарина на XXIII Ленинградской губпартконференции, в которой он открыто признал «рост затруднений, связанных с известными неудачами в области нашей хлебаготовительной кампании, с сокращением нашего импортного плана, с необходимостью урезывания наших производственных программ, ... сметных бюджетных ассигнований»,²³⁶ – все это было расценено «правой» профессурой как проявление слабости: «У большевиков ничего не выходит, большевики обанкротились, сдают одну позицию за другой и нам скорее надо закладывать и укреплять свои позиции в ВУЗ'ах».²³⁷ Новое положение, обусловленное как общегосударственными, так и внутриуниверситетскими факторами, пробудило в ее среде стремление, воспользовавшись слабостью и уступчивостью власти, взять контроль над высшей школой. Вместе с тем, прекрасно сознавая бессмысленность и опасность открытого противостояния, она вовсе не стремилась начинать конфронтацию с советской властью: «Наше время не пришло – вот основное мнение старой профессуры».²³⁸ Укреплять позиции предстояло единственным доступным способом – путем продвижения «нужных» людей в Правление университета. Добиться заметного результата возможно было лишь при согласованном голосовании всех трех куриЙ за заранее определенных кандидатов, что, в свою очередь, требо-

²³⁵ Петров В.В. Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда (1920-1930 гг.) и его деятельность по коммунизированию Ленинградского государственного университета в середине 1920-х гг... С. 271.

²³⁶ Бухарин Н.И. Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б). 10-11 февраля 1926 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 233.

²³⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4-4 об.

²³⁸ Там же. Л. 3.

вало подготовительной работы по выдвижению приемлемого, не вызывающего «махрового», но и вполне независимого от советской власти состава.

Начало этой работе было положено, как ни странно, самим начальником Главпрофобра И.И. Ходоровским, который в январе 1926 г. вел длительные личные переговоры со многими профессорами университета, однако добиться положительного результата не сумел. После его отъезда В.Б. Томашевский поручил профессору В.А. Догелю «собрать совещание профессуры и наметить ректора». Итогом совещания стало выдвижение на пост ректора кандидатуры профессора К.М. Дерюгина, в которой, по словам организатора коллектива ВКП(б) ЛГУ, «сосредоточено все организованное, непримиримое, стоящее за автономию высшей школы и все что осталось от старого Унта».²³⁹ Вместе с тем, студенчество было признано силой, с которой, к большому сожалению профессуры, необходимо было считаться: «Ферсман заявил тов. Ходоровскому, что нужно воздействовать на студенчество, чтобы они приняли кандидатуру Дерюгина».²⁴⁰ В дальнейшем, впрочем, студенчество от активного влияния на университетские органы предполагалось устранить. Характерным для существовавшей ситуации следует считать и тот факт, что к моменту перевыборов К.М. Дерюгин был признан и поддержан Главпрофобром – без согласования с парторганизацией университета.

Ответом на активные движения в «правом лагере» стали аналогичные приготовления левой профессуры: «с согласия тов. Томашевского было созвано на 2-ое Февраля собрание левой профессуры для того, чтобы узнать их настроение». После серии заседаний собрание 10 февраля остановилось на кандидатуре профессора ФОНА А.Е. Преснякова. Бюро коллектива сочло его кандидатуру приемлемой, но отметило, что «поддерживать ее очень сильно нельзя».²⁴¹ Кроме того, сам Пресняков заявил категорический отказ занять

²³⁹ Там же. Отличная точка зрения современного исследователя: Фокин С.И. Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-биологические исследования. 2010. № 2. С. 43-66.

²⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.

²⁴¹ Там же. Л. 3.

какую-либо должность в будущем правлении.²⁴² Бюро коллектива видело на посту ректора Н.С. Державина,²⁴³ чему противилась как «правая» профессура, так и сам Державин, согласившийся не снимать кандидатуру с баллотировки лишь по просьбе профессора В.А. Зеленко.²⁴⁴ «Реальной кандидатуры [от «левого» крыла профессуры университета] на должность ректора не имеется», – констатировал организатор коллектива ВКП(б) университета. Попытки же взаимодействия с «правыми» оканчивались ничем: для них уже не было смысла идти на компромисс внутри университета. Продолжившиеся попытки И.И. Ходоровского вести переговоры с отдельными лицами были встречены откровенно холодно: «есть, говорят, положение о вузах, существуют правила о выборах Правления, а что происходит на самом деле: сначала приторгуют, а потом устраивают комедию выборов».²⁴⁵

Солидарность позиции «правой» профессуры выглядела весьма выгодно на фоне несогласованности, беспрестанных личных склок в советском «стане», а лихорадочные попытки коммунистов привлечь на свою сторону колеблющуюся часть профессуры и преподавателей возымели обратное действие. В этой связи не выглядят неожиданными итоги заседаний куриальных собраний профессуры и преподавателей и научных сотрудников ЛГУ, состоявшихся 27 февраля 1926 г. Как выяснил организатор коллектива ВКП(б), за несколько часов до собраний «правые» провели «нелегальное» собрание, на которых были распространены списки кандидатов в правление; «все чувствовали [себя] «именинниками».²⁴⁶ «Хотя и девятый год революции, но все же дождались наступления на большевиков и весь вопрос заключается только в том, вовремя или не вовремя мы выступили... Хотя большевики такие люди, что отступают-отступают, да как начнут и наступать, то и нам всем не поздоровится, но и все же мы наступаем», – якобы отметил с удовлетворени-

²⁴² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 61.

²⁴³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 25.

²⁴⁴ Там же. Д. 218. Л. 4 об., 5, 12 об.

²⁴⁵ Там же. Д. 219. Л. 3-3 об.

²⁴⁶ Там же. Л. 4 об.-5.

ем профессор А.Е. Фаворский. Примечательно, что эти итоги оказались совершенно идентичными: на пост ректора был выдвинут К.М. Дерюгин, членами правления – профессора М.В. Серебряков и А.А. Иванов, доцент А.П. Афанасьев и тов. В.Н. Никитин. Двухтысячная студенческая сходка, сагитированная и возглавленная членами бюро коллектива ВКП(б), ожидаемо выдвинула на пост ректора компромиссного кандидата – профессора Н.С. Державина. Согласно «Положению о высших учебных заведениях», кандидатурам предстояло получить отзыв в Совете университета, и лишь затем решения куриальных собраний должны были быть утверждены Наркомпросом.²⁴⁷ В данном случае утверждения, как и опасалась профессура, не последовало: надежды на Москву не оправдались.²⁴⁸

Столкнувшись с подобным демаршем в одном из крупнейших вузов на девятом году революции, партийно-государственному руководству пришлось взять дело в свои руки. Потерявший всякую связь с реальностью С.К. Минин был отстранен от должности, на его место был назначен бывший комиссар по военным делам СКСО, член Ленинградского совета Б.П. Позерн. Однако время было упущено, и организация очередного выборного цикла и должная подготовка отняли всю весну 1926 г. Новым ректором в июне 1926 г. стал В.Б. Томашевский, кандидатура которого – большевика и вместе с тем выпускника университета и признанного ученого, казалась компромиссной.

²⁴⁷ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 43. Ст. 518. Пп. 32-33.

²⁴⁸ В марте 1926 г. организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ сообщал, что «выступления правой профессуры всецело связано с линией Главпрофобра и по крайней мере выступили они так рьяно и открыто только потому, что всецело надеялись найти поддержку в Москве» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4). К этому же выводу пришло и совещание при уполномоченном НКП по вопросу о перевыборах правления ЛГУ (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 64-65). Не особенно скрывали это, по свидетельству очевидцев, и сами представители профессуры: «Сидевший через человека [на заседании Совета ЛГУ 1 марта 1926 г.] около Ферсмана тов. Корель ... слышал, как Ферсман говорил Филипченко: «это безобразие, до чего распустили студентов, нужно ехать к Алексею Ивановичу /Рыкову/». «Ни для кого не секрет, что такие люди, как академик Ферсман и Иоффе и другие, вхожие в Совнарком и как будто часто там бывают», – заключил И.В. Тесленко (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4, 5).

Не может не вызывать пристального интереса вопрос о реакции парторганизации университета на выступление т.н. «ленинградской оппозиции» на XIV съезде РКП(б) в декабре 1925 г. Эта реакция кажется весьма показательной в смысле угасания внутрипартийной демократии, выстраивания жесткой «вертикали власти», развития заискивания и чиновничества. «Новое поколение комсомольских работников, воспитанное под постоянной опекой партийных комитетов, всю свою деятельность видит лишь в том, чтобы точно выполнять указания партии», – резюмировал исследователь психологической стороны сталинизма Ю.А. Стецура.²⁴⁹ «Большинству ЦК РКП(б) удалось повести за собой политически малограмотные массы партии и комсомола», поскольку «многие не смогли разобраться в причинах разногласий и просто приняли на веру взгляды большинства. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и то, что все средства информации: печать, радио – были в руках сталинского окружения».²⁵⁰ Девальвация значимости демократических институтов, предопределившая устойчивость сталинской системы, опорой которой послужили как рядовые советские обыватели, так и низовые партийные организации, происходила по целому ряду веских обстоятельств. Нежелание нарушить саму букву предписаний партийного руководства явственно проходит красной нитью через все обсуждение итогов съезда на собрании коллектива ВКП(б) ЛГУ 4 и 6 января 1926 г. (См. Приложение 3 (с. 95)). Не имея возможности провести подробное изучение речевой практики ораторов собрания и реконструировать образ и ход мыслей студенчества университета по образцу трудов С.В. Ярова,²⁵¹ следует, однако, подчеркнуть общее настроение присутствовавших. Курс части коллектива (Нотман, Гайцхоки, Цвибак,

²⁴⁹ Стецура Ю.А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-30-х годов. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 39.

²⁵⁰ Там же. С. 53.

²⁵¹ Яров С.В. Протоколы районных собраний организаторов коллективов РКП(б) как источник для изучения настроений рабочих Петрограда в 1921 г. // Россия в XX веке. Сб. ст. к 70-летию В.А. Шишкина / Под ред. В.М. Ковальчука. СПб., 2005. С. 382-392; Его же. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм глазами петроградцев. 1917-1921 гг. СПб., 1997.

Шатровский, Глебов, Шелепугин) оказался куда более независимым – вплоть до открытой поддержки линии оппозиции.²⁵² Расплата была быстрой и жесткой – оппозиционеры были сняты с ответственной работы, а впоследствии отчасти покинули ЛГУ,²⁵³ или же усердно «каялись».²⁵⁴

Недолгая «ректура» Томашевского, стремившегося играть «на два поля», ознаменовалась еще одним скандалом, связанным с перевыборами деканата физико-математического факультета осенью 1926 г. Заблаговременно, в январе, бюро коллектива ВКП(б) «наметило» планируемый состав деканатов, в том числе для физико-математического факультета – «Кравков или Комаров – декан, Мацюлевич – заместитель, Чиртин – предст. студ., секретарь».²⁵⁵ К моменту перевыборов в ноябре список претерпел значительные изменения: бюро коллектива требовало «поддержать тройку в след. составе: Декан – Мацюлевич, секретарь Дрозд и студ. представ. Левит», что не в последнюю очередь объяснялось нежеланием профессуры как вообще оказываться в неустойчивом и неудобном деканском кресле, так и работать с «коммунистом» К.Р. Мацюлевичем (справедливости ради, впрочем, следует отметить, что в самой партии он на тот момент не состоял, хотя сочувствовал).²⁵⁶ Однако во время голосования возникла совсем некрасивая ситуация: из 28 присутствующих с правом голоса 14 человек, главным образом, профессоров, покинули аудиторию. Бюро решило вину на себя не брать и приняло резолюцию с осуждением «поведения и колебаний т. ТОМАШЕВСКОГО, [каковые] выразились в отказе от проведения директив Губкома /уклонение от руководства перевыборами, неявка на заседание фракции под предлогом болезни жены, а также нежелание информировать фракцию о переговорах с КАМЕНЩИКОВЫМ и ЛЬВОВЫМ в день перевыборов/, что еще больше усилило организа-

²⁵² Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899-1937) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 2. С. 37.

²⁵³ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 9; Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба... С. 37-38.

²⁵⁴ Студенческая правда. 1928. 31 января. С. 3.

²⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 16 об.

²⁵⁶ Там же. Л. 122.

цию верхушки правой профессуры».²⁵⁷ Задетый за живое ректор, положению которого и без того трудно было бы позавидовать, написал заявление с просьбой об освобождении от обязанностей в связи с «расхождениями глубоко принципиального характера» «с уполнаркомпроса, фракцией союза Рабпроса и Вузовской комиссией Губкома»²⁵⁸ – таким образом, история обрастает действующими лицами, анализ действий которых, впрочем, выходит за рамки настоящей работы. Хода заявлению, однако, дано не было, но этот эпизод, скорее всего, далеко не последний, но самый громкий (утверждением состава деканата физико-математического факультета ЛГУ в итоге занялось ни много ни мало Политбюро ЦК ВКП(б)²⁵⁹), приблизил безвременную кончину Томашевского в феврале 1927 г. от обострения туберкулеза, спровоцированного банальной простудой.²⁶⁰ После непродолжительных и относительно «тихих» выборов 1927 г. место ректора (в последний раз перед войной; в 1930 г. пост выборного ректора был заменен на назначаемого директора) занял профессор М.В. Серебряков, старый (с 1899 г.) большевик,²⁶¹ идейный вдохновитель и декан созданного годом ранее факультета советского права.

Не стеснявшаяся конфронтации с властью профессура постепенно утрачивала позиции. Ни «ректорская» история 1925-1926 гг., ни «деканская» осени 1926 г., ни «дело доцентов» 1926-1928 гг. (достаточно подробно рассмотренная в отдельной работе²⁶²) не играли ей «на руку», – несмотря на то,

²⁵⁷ Там же. Л. 123 об.

²⁵⁸ Там же. Д. 20. Л. 51.

²⁵⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 605. Л. 5. Электрон. дан. Документ 18. п. 18: О физмате Ленинградского университета // Документы советской эпохи / Федеральное архивное агентство, 2013-2016. Режим доступа: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=69008> (10 апреля 2016 г.)

²⁶⁰ Петров В.В. «Большой была его работа и яркой – жизнь его...» С. 110.

²⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 13. Д. 2. Л. 75.

²⁶² Петров В.В. Рост влияния преподавателей-партийцев в Ленинградском университете: к вопросу об ужесточении партийно-государственной политики РСФСР в отношении высшей школы во второй половине 1920-х гг. // Архивы и история российской государственности: Вып. 4 / отв. ред. А.Р. Соколов, А.Ю. Дворниченко. СПб., 2013. С. 200-205. Вкратце, «дело» касалось спора за учебные часы между доцентами физико-математического факультета А.М. Журавским и Л.А. Лейфертом и закончилось очередным

что в данных случаях действующими лицами неизменно оказывались ученые-«естественники», в связи со своей незаменимостью пользующиеся большей терпимостью (условной, разумеется) власти к их вольномыслию, нежели «общественники», политика «замены» которых проводилась систематически с середины 1920-х гг. Делал свое дело и фактор неизбежного старения и ухода из жизни представителей старой интеллигенции. Кроме того, созданный в 1924 г. институт аспирантуры, систематизировавший практику «оставления при университете», поставил на поток производство «красной интеллигенции», и оттого находился под крайне пристальным вниманием государственно-партийной власти.²⁶³

Конец 1920-х гг. ознаменовал в целом рост нападков на интеллигенцию. Прогремевшее на всю страну «Шахтинское дело» ознаменовало конец относительно спокойного существования старой интеллигенции, прекращение сдерживания «спецеинства» и «комчванства». В 1929 г. в результате сложностей, возникших при выборах в Академию наук коммунистов Деборина, Лукина и Фриче, была проведена проверка всей Академии. Результатом явилось печально известное «Академическое дело». Удивительно, но Ленинградский университет оказался практически не затронут этими событиями.²⁶⁴

Таким образом, во второй половине 1920-х гг. Ленинградский университет стал своего рода полем столкновения между «старой» профессурой и ставленниками новой власти. Советская власть, тем не менее, какое-то время уступала требованиям профессуры, но границы компромисса были известны заранее, и судьбоносного характера эти уступки не несли. Власть не теряла

противостоянием профессуры (поддержавшей первого) с парторганизацией ЛГУ (поддержавшей второго), завершившимся фактической победой Лейферта. К разрешению спора был привлечен И.И. Ходоровский.

²⁶³ косвенно об этом свидетельствуют публикации о подготовке научной смены, периодически появлявшиеся на страницах университетской газеты, находившейся под негласным, но очевидным контролем парторганизации – см. №№ от 29 февраля, 30 марта, 5 мая, 7 ноября 1928 г., 15 февраля, 29 марта, 20 мая, 10 декабря 1929 г.

²⁶⁴ выпуск «Студенческой правды» от 15 февраля 1929 г. – пожалуй, единственный, содержащий какие бы то ни было упоминания о них.

своих позиций. После чисток середины 1920-х гг. в университете оставались, казалось бы, лишь лояльные власти студенты. Однако, безотносительно их собственных убеждений, против некоторых начало работать «неправильное» социальное происхождение. Громкие кампании по «разоблачению затаившегося классового врага» стали своего рода символом времени, при этом, помимо изгнания из университета с волчьим билетом против жертвы разворачивалась травля в печати.²⁶⁵

²⁶⁵ Студенческая правда. 1929. 4 марта.

Заключение

Таким образом, была рассмотрена и исследована история Петроградского/Ленинградского университета в 1917-1929 гг. Кажется, в ходе работы удалось решить поставленные задачи и достигнуть цели – комплексно, на материалах различных источников изучить ход развития университета.

Исследование сложных и противоречивых хитросплетений истории университета в данный период – весьма сложная, но, как представляется, также и весьма важная работа. Многообразность факторов, определяющих развитие университетской структуры, методов преподавания, роли университета в подготовке квалифицированных кадровых специалистов, определила и направления и резкие повороты деятельности университета. Каждый новый ректор привносил что-то новое в университет, стараясь – и порой небезуспешно – выдержать баланс между натиском новой власти и складывавшейся долгие десятилетия университетской системой, вовсе не готовой к резким коренным переменам.

Отдельное внимание в работе было уделено становлению и развитию партийной организации Петроградского/Ленинградского университета, ее роли в общественно-политической жизни. Исследованные архивные и библиографические источники подводят к выводу, что эта роль в жизнедеятельности университета в 1917-1929 гг. была исключительно заметной. К середине 1920-х гг. она возрастает настолько, что имеет смысл говорить об *определяющем* значении парторганизации в жизни университета. Несмотря на известную неблагодарность партийной работы, некоторую ее абстрактность и незначимость с точки зрения аполитичного в своей массе студенчества первой половины 1920-х гг. (а с точки зрения части профессуры, эта работа носила откровенно бесполезный и даже вредный характер), в весьма непродолжительный срок при массивной поддержке государственно-партийной машины университет фактически оказался подконтролен парторганизации, встроенной в жесткую систему органов РКП(б)/ВКП(б).

Материальное положение профессуры и студенчества университета, значительно ухудшившееся в годы Первой Мировой войны, в первые годы советской власти продолжало деградировать. Результатом этого стала череда безвременных смертей выдающихся ученых университета, массовое бегство студенчества из города. Впоследствии вмешательство государства, в том числе и проводимая им политика, позволяло, с одной стороны, привлечь на свою сторону квалифицированные преподавательские кадры и обеспечить их лояльность, а с другой – положить конец инакомыслию в студенческих рядах, вычистив большую часть вольнодумцев из университетских аудиторий и щедро разбавив оставшихся просоветски настроенными пролетариями «от станка и сохи». Тем не менее, преподавательская зарплата оказалась на несравненно более низком уровне, нежели до революции, а студенческие стипендии не были в состоянии обеспечить достаточно высокий жизненный уровень.

Состояние материально-технической базы университета в целом повторяло динамику развития материально-бытового положения профессорско-преподавательского состава и студенчества. Испытав на себе влияние разрухи, неуклонно разраставшейся на протяжении 1917-1921 гг., она не могла не оказывать, в свою очередь, влияния на качество преподавания и обучения в университете. В последующие годы она начала восстанавливаться – отчасти за счет более щедрых государственных ассигнований, но главным образом благодаря энтузиазму сотрудников университета.

Развитие взаимоотношений университета с органами государственной власти и партийными органами убедительно доказывает всю важность построения конструктивных отношений, которую осознавали обе стороны. Недопустимость одергиваний и грубых окриков была очевидна; позиции ортодоксальных коммунистов, заявлявших о необходимости радикального реформирования университета или даже полной его ликвидации, не могли быть и не были поддержаны рационально мыслящим большинством Наркомпро са. В результате советская власть проводила более гибкую политику в отноше-

нии высшей школы – с помощью введения классового приема, платы за обучение, реформирования учебных планов, программ и даже самих методов преподавания. Но даже такое вмешательство в дела высшей школы большинству профессорско-преподавательского состава казалось возмутительным. Еще более возмутительным оказалось «заигрывание» Наркомпроса с профессурой, непоследовательность и несогласованность политики в центре и на местах. Все это не могло не отвращать от советской власти даже нейтрально настроенных к ней преподавателей.

Новая историческая реальность, в которой оказался университет, поставила его перед дилеммой: измениться или сойти со сцены. В этой реальности не оказалось места фундаментальному всестороннему образованию: гораздо более ценными представлялись выпускники «узких» вузов, социалистическая интеллигенция, которая должна была прийти на смену «буржуазным спецам». Убедившись в конечном итоге, что университет не сможет самостоятельно пойти на сознательное «усекновение голов» студентов, партийно-государственный аппарат сделал попытку навязать ему свое видение образовательной системы – путем выведения всех гуманитарных специальностей из стен вуза и навязывания ему новой структуры и руководства, превращения бывшего императорского университета в советский вуз.

Подводя итог, можно отметить тот огромный по своей тягостности путь, который был пройден университетом за 1917-1929 гг. Несмотря на сложность складывания отношений с новой властью, университет не подчинился ей безоглядно, стремился сохранить лицо, – до тех пор, пока это было возможно. Катастрофическое материальное положение, в котором оказался университет, профессура и студенчество, стало еще одним влиятельным аргументом в руках советской власти. Структурные преобразования, продиктованные Наркомпросом, больно ударили по качеству образования в университете; особенно сильным оказался удар по гуманитарному образованию. И все же вплоть до 1930 г. университет сохранял небольшую частицу автономии, на которую до определенного момента советская власть не покушалась. Ко-

гда же полная зависимость университета стала очевидной, от этой частицы избавились.

В 1930-м же году пост выборного ректора был упразднен. Вместо него появился назначенный директор Ю.Н. Никич, человек с крайне причудливой судьбой и еще более причудливыми представлениями о высшей школе, соответствующими, впрочем, ожиданиям партийно-государственного руководства. Исследователь истории экономической науки Л.Д. Широкоград отметил, что «университеты с их ориентацией на развитие фундаментальных научных исследований, зачастую не дающих немедленной практической отдачи, были объявлены ненужными универсальными мастерскими, где выделяются бесполезные, но очень дорогие «игрушки». Особенно малополезными «игрушками» представлялись гуманитарные факультеты. В мае 1930 г. впервые в стране именно в Ленинградском университете были ликвидированы все гуманитарные факультеты. «Ленинградский государственный университет представляет собою естественно-научный, физико-математический и химический комбинат», – с гордостью заявлял в конце 1931 г. его директор Ю.Н. Никич».²⁶⁶

²⁶⁶ Широкоград Л.Д. Влияние идеологии на развитие политической экономики в СССР в 1920-1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2010. Вып. 1. С. 79-80.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга.
 1. Ф. 2551 (Комиссариат народного просвещения Союза коммун Северной области).
 2. Ф. 2552 (Отдел народного образования Исполнительного комитета Ленинградского губернского совета).
 3. Ф. 2555 (Ленинградское отделение Главного управления научных учреждений Академического центра Наркомпроса РСФСР).
 4. Ф. 2556 (Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда).
 5. Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова).
2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга.
 1. Ф. 984 (Первичная партийная организация Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова).
3. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга.
 1. Ф. 14 (Императорский Петроградский университет).
4. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
 1. Ф. 93 (Боричевский Иван Адамович).
 2. Ф. 283 (Жижиленко Александр Александрович).
 3. Ф. 671 (Самойлович Александр Николаевич).
 4. Ф. 813 (Филипченко Юрий Александрович).
5. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН.
 1. Ф. Диссертаций.

6. Архив Музея истории Санкт-Петербургского государственного университета.
 1. Ф. ИУ [История университета].
 2. Ф. ФИК [Факультеты и кафедры].
7. Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета.
 1. Ф. 1.
8. Harvard Project on the Soviet Social System.
 1. Schedule B, Vol. 6, Case 401 (interviewer S.H.). Режим доступа: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:962295>. (10 апреля 2016 г.).
 2. Schedule B, Vol. 9, Case 383 (interviewer J.R.). Режим доступа: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:965023>. (10 апреля 2016 г.).
9. «Горячешный и триумфальный город». Петроград от «военного коммунизма» к НЭПу: Документы и материалы / Сост., авт. предисл. и коммент. М.В. Ходяков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000.

Нормативно-правовые акты

- 10.Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1918.
- 11.Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1919.
- 12.Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1922.
- 13.Народное образование в СССР. Сб. док. 1917-1973 гг. / Сост.: А.А. Абакумов, Н.П. Кузин, Ф.И. Пузырев, Л.Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974.

Труды государственных и политических деятелей

- 14.Бухарин Н.И. Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б). 10-11 февраля 1926 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 231-277.
- 15.Бухарин Н.И. Пролетарская революция и культура. Пг.: Прибой, 1923.

Источники личного происхождения

16. Веселовский С.Б. Разгром Московского университета в 1919-1920-х гг. // Ассоциация исследователей российского общества АИРО-XXI. [Б.м.], [б.г.]. Электрон. дан. Режим доступа: <http://www.airo-xxi.ru/2010-03-28-17-40-45/379--1919-1920-> (10 апреля 2016 г.)
17. В.И. Ленин и А.В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы // Литературное наследство / РАПП и Ин-т ЛИЯ Комкадемии. М.: Журн.-газ. об-ние, 1931– . Т. 80. М., 1971.
18. Гаген-Торн Н.И. Memoria / Сост. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 1994.
19. Гиппиус З. Н. Петербургские дневники, 1914-1919. 2-е изд. Нью-Йорк: Телекс, 1990.
20. Дневник историка С.А. Пионтковского (1927-1934) / Отв. ред. и вступ. статья А.Л. Литвина. Казань: Казан. гос. ун-т, 2009.
21. Егоров И.В. От монархии к Октябрю. Воспоминания / подг. к печ. И.И. Егоров; науч. ред. д.и.н. В.И. Старцев. Л.: Лениздат, 1980.
22. Збарский И.Б. Объект №1. М.: Вагриус, 2000. (Мой 20 век).
23. Книжник[-Ветров] Ив. [И.С.] Октябрьская Революция в Доме Писателей. Из истории российской интеллигенции // Красная летопись. Исторический журнал. 1923. №6.
24. Лемке М.К. «Они продержатся не больше 5-7 дней». (По дневнику) // Красная летопись. Исторический журнал. 1923. №6.
25. На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под ред. проф. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971.
26. Рабинович М.Б. Воспоминания долгой жизни. СПб.: Европейский дом, 1996.
27. Сорокин П.А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. А.В. Липского. М.: Терра, 1992.
28. Sorokin P.A. Leaves from a Russian Diary. N.Y.: E.P. Dutton & Co., 1924.

Периодическая печать

28. Студенческая правда. Орган студентов и работников Ленинградского государственного университета (1927-1930 гг.).

Литература

1. Аверченко А.Т. Петербургский бред // Нечистая сила. Книга новых рассказов. Севастополь, 1920. С. 43-45.
2. Алексеев В.П. Власть, философия, наука. М.: Проспект, 2014.
3. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография: сб. ст. / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. С. 7-41.
4. Балашов Е.М. Становление советской системы народного образования. Октябрь 1917 – весна 1921 г. (На материалах Петрограда): дис. ... к.и.н. СПб., 1992.
5. Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг. Становление «нового человека». СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
6. Беляева Е.А. Материальное положение городских жителей в годы революции и гражданской войны: 1917-1921 гг.: дис. ... к.и.н. Смоленск, 2005.
7. Бердинских В.А. Ремесло историка в России. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
8. Богомолов Н.А. Парտрабoтa в вузах // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 35-43.
9. Борев Ю.Б. Луначарский. М., 2010. (Жизнь замечательных людей : серия биографий).
10. Брачев В.С. Историк М.М. Цвибак и его судьба (1899-1937) // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2008. № 2. С. 33-54.
11. Брачев В.С. Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта.
12. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. М.: РОССПЭН, 2012. (История сталинизма).
13. Булдаков В.П., Иванов А.Е., Шелохаев В.В. и др. Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М.: Мысль, 1981.

14. Бухбиндер Н.А. Студенческая организация при Пет. Ком. Р.С.-Д.Р.П.(больш.) // Красная летопись. Исторический журнал. 1923. № 6.
15. Бюллетень оппозиции. 1934. № 38-39.
16. В. Ш-рин. Чистят. (С натуры и по официальным документам) // Красная молодежь. 1924. № 2. С. 122-128.
17. Восканьян Г. Итоги всесоюзного совещания пролетарского студенчества // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 118-121.
18. Восканьян Г. О стипендиях и платности в 1924/25 учебном году // Красная молодежь. 1924. № 3. С. 100-103.
19. Гаврилова О.А., Петров В.В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский/Ленинградский университет 1918-1931 гг. в воспоминаниях И.В. Егорова // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 227-256.
20. Ганелин Р.Ш. РАН и государственная власть // СпбИИ РАН. Электрон. дан. Спб., 2014. Режим доступа: <http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2014/03/%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BD.pdf> (10 апреля 2016 г.).
21. Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. Спб.: Нестор-История, 2004.
22. Глухарев Н.Н. К вопросу о деятельности А.В. Луначарского на должности председателя Ученого комитета ЦИК СССР (1929-1933) / Наследие А.В. Луначарского. Электрон. дан. М., 2014. Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/issledovania/o-deatelnosti-a-v-lunacharskogo-na-dolznosti-predsedatela-ucenogo-komiteta-cik-sssr> (10 апр. 2016 г.).
23. Городецкий Е.Н. Современная советская историография Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. ст. / Редкол.: ак. И.И. Минц (отв. ред.), Ю.И. Кораблев, Н.Е. Носов, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев. М.: Наука, 1980. С. 7-21.

24. Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XIX вв. в зарубежной историографии / Редкол.: член-кор. РАН, д.и.н. Р.Ш. Ганелин, д.и.н. В.А. Шишкин, к.и.н. А.И. Рупасов и др. СПб.: МФ «РТ и Фор», 1994.
25. Демидова А.Р. Хозяйственная жизнь Петрограда 1917 – начала 1920-х гг.: город в условиях экстраординарности: дис. ... к.и.н. СПб., 2008.
26. Е.С. Вентцель – И. Грекова. К столетию со дня рождения / Сост. Р.П. Вентцель, Г.Л. Эпштейн. М.: Юность, 2007.
27. Елкин А.С. Луначарский. М., 1967. (Жизнь замечательных людей : Серия биографий).
28. Ендольцев Ю.А. Императорский историко-филологический институт // Нева. 2003. № 7. С. 67-68.
29. Ермошко А.Г. Изменение социального облика студенчества Петроградского / Ленинградского университета в первые годы советской власти (1917-1925) // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 2 (16). С. 137-144.
30. Ефимов В.В. Летопись жизни и деятельности А.В. Луначарского: в 3 т. Душанбе, 1992.
31. Жаба С.П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу. Париж: Русское книгоиздательство J. Povolozky & Co, 1924.
32. Занкевич Е.Х. К истории советизации Российской академии наук // Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия II. №59. Мюнхен, 1957.
33. Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988.
34. Иванова Л.В. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский // Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / Науч. ред. д.и.н. А.П. Ненароков. М.: Изд-во полит. литературы, 1991.
35. Из истории русской интеллигенции. Сб. матер. и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской / сост. О.Н. Ансберг, Л.А. Булгакова,

- И.В. Селиванова; отв. ред. чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
36. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. №4. С. 3-31.
37. История Ленинградского университета. 1819-1969. Очерки / ред. д.и.н. В.В. Мавродин. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
38. Итоги и перспективы рабочих факультетов [Сб. в ознаменование пятилетней годовщины ленинградских рабочих факультетов 1919-1924]. Л.: Кубуч, 1925.
39. Камчатнов Г.А. История высшей школы и университетов России XIX – начала XX веков: периодизация историографии проблемы // Преподаватель XXI век. 2008. №3.
40. Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М.: Московский рабочий, 1992.
41. Коган Л.А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112-140.
42. Комиссарова Л.И., Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли в России. М., 1986.
43. Константинов Н.А., Медынский Е.Н. Очерки по истории советской школы РСФСР за 30 лет. М.: Учпедгиз, 1948.
44. Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград (1919). Л.: Изд-во «Красной газеты», 1929.
45. Корнатовский Н.А. Героическая оборона. К пятидесятилетию обороны Петрограда против Юденича. Л.: Лениблиздат, 1934.
46. Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917-1920. М., 1958.
47. Королева В.В. Состав, быт и социально-экономическое положение студенчества Европейской части РСФСР: 1921-1932 гг. : дис. ... к.и.н. Орел, 2005.

48. Кржишковский К.Н. К вопросу об изменении методов преподавания // Научный работник. 1925. Кн. 3. С. 65-70.
49. Кривоноженко А.Ф. Петроградский университет в 1917-1922 гг.: от университета императорского к университету советскому // Петербургские исследования: Сборник научных статей. СПб., 2012. Т. 3. С. 257-266.
50. Кривоноженко А.Ф. Стратегия бойкота Петроградского университета в первые месяцы после Октябрьской революции // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы научной конференции студентов и аспирантов (20-21 апреля 2012 года, Санкт-Петербург). СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2012. С. 99-105.
51. Кропачев С.А. От лжи к покаянию: отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937-1945 годах. Санкт-Петербург: Алетейя, 2011.
52. Крупская Н.К. Партия и студенчество // Красная молодежь. 1924. №1. С. 13-19.
53. Купайгородская А.П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917-1925 гг.). Л., 1984.
54. Купайгородская А.П. Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. ст. / Редкол.: ак. И.И. Минц (отв. ред.), Ю.И. Кораблев, Н.Е. Носов, Г.Л. Соболев, В.И. Старцев. М.: Наука, 1980. С. 241-248.
55. Купайгородская А.П. Советская высшая школа в 1917-1927 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1990.
56. Курепин А.А. Власть и наука. 1917-1937 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004.
57. Лейкин А.Я. Против ложных друзей молодежи (из истории борьбы КПСС с буржуазными и мелкобуржуазными партиями за молодежь, 1917-1924 гг.). М.: Молодая гвардия, 1980.

58. Ленинградский университет. 1819-1969 / Сост. Л.А. Шилов, ред. Н.П. Пенкин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
59. Ленинградский государственный университет = L'université de Leningrad / Под ред. В.Б. Томашевского. Л.: Гос изд., 1925.
60. Ленинградский университет за советские годы 1917-1947: Очерки / сост.: акад. В.И. Смирнов, чл.-кор. АН СССР С.Н. Данилов, А.П. Шенников и др. Л.: Тип. ЛГОЛУ, 1948
61. Лобок Д.В. Коммунистическая партия и Секция научных работников профессионального союза работников просвещения РСФСР. 1919-1934 гг. (анализ практики взаимоотношений): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
62. Луначарская И.А. К научной биографии А.В. Луначарского // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1979. №4. С. 110-127.
63. Мавродин В.В., Сладкевич Н.Г., Шилов Л.А. Ленинградский университет (краткий очерк). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957.
64. Марголин Д.С. Справочник по высшему образованию. 5-е изд. Пг.; К.: Собеседник, 1918.
65. Митин В.В. Трансформация организационной и научной деятельности РАН в 1917-1925 гг. // Метаморфозы истории. 2013. №4. С. 59-78.
66. Московский университет 1755-1930 : Юбил. сб. Изд. Париж. и Праж. Ком. по ознаменованию 175-летия Моск. ун-та / Под ред. проф. В.Б. Ельяшевича и др. Париж: Современ. записки, 1930.
67. На подступах к высшей школе [сб. ст.]. Иваново-Вознесенск: Основа, 1924.
68. Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920. (Краткий отчет). [М.]: Государственное издательство, 1920.
69. Новиков М.М. Правовой строй русской высшей школы // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 8. С. 18-28.
70. Новиков М.М. Судьба российских университетов // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 5-6. С. 1-17.

71. Оводенко А.А., Платова Е.Э., Фортунатов В.В. История высшей школы Санкт-Петербурга. СПб.: ГУАП, 2010.
72. О'Коннор Т.Э. Анатолий Луначарский и советская политика в области культуры : пер. с англ. М., 1992.
73. Очерки по истории Ленинградского/Санкт-Петербургского университета. Т. 1-8. Л. ; СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1962-1998.
74. Павловский О.А. Луначарский. М., 1980. (Выдающиеся мыслители-марксисты).
75. Панях В.М. О книге В.С. Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов» (часть I-II). СПб.: Минерва, 1995. 354 с. // Панях В.М. Историкографические этюды. СПб.: Алетейя : ЕУ СПб, 2005. С. 223-234.
76. Первое Советское правительство. Октябрь 1917 – июль 1918 / Науч. ред. д.и.н. А.П. Ненароков. М.: Политиздат, 1991.
77. Петров В.В. «Большой была его работа и яркой – жизнь его...». В.Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926-1927 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 109-111.
78. Петров В.В. Рост влияния преподавателей-партийцев в Ленинградском университете: к вопросу об ужесточении партийно-государственной политики РСФСР в отношении высшей школы во второй половине 1920-х гг. // Архивы и история российской государственности: Вып. 4 / отв. ред. А.Р. Соколов, А.Ю. Дворниченко. СПб., 2013. С. 200-205.
79. Петров В.В. «Самозащита» профессорско-преподавательской корпорации Петроградского университета от призыва в РККА в 1918-1920 гг. // Сборник, издаваемый студентами Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2013. С. 92-97.
80. Петров В.В. Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда (1920-1930 гг.) и его деятельность по коммунизированию Ленинградского государственного университета в середине 1920-х гг. // Третья Всероссийская студенческая историко-

- регионоведческая конференция. Санкт-Петербург, 18-19 октября 2013 года. Доклады и сообщения / под общ. ред. проф. Ю.В. Кривошеева. – [СПб.], 2013. С. 269-272.
81. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С.В. Яров, Е.М. Балашов, В.И. Мусаев, А.И. Рупасов, А.Н. Чистиков. М. ; СПб.: Центрполиграф : Русская тройка-СПб, 2013.
82. Покровский М.[Н.] Ленин и высшая школа // Красный студент. 1925. №1.
83. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002.
84. Рожков А.Ю. Студент как зеркало Октябрьской революции // Родина. 1999. № 3. С. 69-79.
85. Ростовцев Е.А. Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны // Диалог со временем. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории / Гл. ред. Л.П. Репина. М.: КРАСАНД, 2009. С. 308-324.
86. Ростовцев Е.А. Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб.: Любавич, 2011. С. 43-87.
87. Ростовцев Е.А. Университет столичного города (1905-1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 205-370.
88. Санкт-Петербургский государственный университет = Universitas Petropolitana: 275 лет: Летопись 1724-1999 / [д.ист.н. Г.А. Тишкин, к.ист.н. И.Л. Тихонов, д.ист.н. Г.Л. Соболев и др. ; Под ред. Л.А. Вербицкой]. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
89. Сафразьян Н.Л. Борьба КПСС за строительство высшей школы (1921-1927 гг.). М.: Изд-во Мос. ун-та, 1977.

90. Северная Коммуна. 1918. 29 ноября.
91. Сизова А.Ю. Российская высшая школа в революционных событиях 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007.
92. Соболев Г.Л. Октябрьская революция в американской историографии. 1917-1970-е годы / под ред. В.А. Шишкина. Л.: Наука, 1979.
93. Солосин И.И. К вопросу об исследовательской работе в высших учебных заведениях // Научный работник. 1927. №2. С. 37-41.
94. Сорокин П.А. Заметки социолога: Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000.
95. Стецура Ю.А. Революционный пафос и трагизм поколения 20-30-х годов. Екатеринбург; Пермь, 1995.
96. Темушев С.Н. Жизнь и творчество в двух измерениях и эпохах (Как со-
провождение переиздания монографии советского слависта академика
Н.С. Державина) // Российские и славянские исследования. 2009. Вып. 4.
С. 366-374.
97. Фокин С.И. Владимир Михайлович Шимкевич (1858-1923). Жизнь уни-
верситетского профессора // С.-Петербургский университет. 2003. № 28-
29 (3653-54). С. 25-28.
98. Фокин С.И. Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-
биологические исследования. 2010. №2. С. 43-66.
99. Хаминов Д.В. Историческая наука и образование в Томском университе-
те: конец XIX в. – 1991 г. : дисс. ... к.и.н. Томск, 2010.
100. Ходоровский И.И. К проверке состава учащихся // Красная молодёжь.
1924. № 1. С. 112-116.
101. Ходяков М.В. «Исключить за сокрытие социального положения»: «чистки» в Ленинградском университете второй половины 1920 – начала 1930-х годов // Россия. Век двадцатый: Сб. ст. к 95-летию д.и.н. В.М. Ковальчука / редкол.: А.Н. Чистиков (отв. ред.), Б.В. Ананьич, В.Н. Плешков, А.И. Рупасов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 281-290.

102. Ходяков М.В. Децентрализм в промышленной политике регионов России: 1917-1920 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.
103. Чернов М.П. Петроградское студенчество в борьбе за свободную высшую школу в 1918-1922 годах // Вопросы истории. 2000. № 11-12. С. 135-140.
104. Шведов С. Роль и значение рабочего факультета в системе народного образования СССР // Научный работник. 1926. №. 1. С. 99-107.
105. Широкоград Л.Д. Влияние идеологии на развитие политической экономики в СССР в 1920-1930-е годы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. 2010. Вып. 1. С. 77-81.
106. Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 2007.
107. Яров С.В. Горожанин как политик. Революция и военный коммунизм глазами петроградцев. 1917-1921 гг. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997.
108. Яров С.В. Протоколы районных собраний организаторов коллективов РКП(б) как источник для изучения настроений рабочих Петрограда в 1921 г. // Россия в XX веке. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-кор. РАН, проф. В.А. Шишкина / Под ред. В.М. Ковальчука. СПб., 2005. С. 382-392.
109. Crowther J.G. Science in Soviet Russia // Journal of the Royal Society of Arts. May 1943. Vol. 91. No. 4639. P. 302.
110. Davies R.W. Soviet History in the Yeltsin Era. London, 1997.
111. Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921-1932. Cambridge University Press, 1979.
112. Fitzpatrick S. The "Soft" Line on Culture and Its Enemies: Soviet Cultural Policy, 1922-1927 // Slavic Review. American Quarterly of Soviet and East European Studies. 1974 (June). Vol. 33. No. 2. P. 267-287.
113. Johnson E.D. How St. Petersburg learned to study itself: the Russian idea of kraevedenie. State College (PA), 2006.

114. Konecny P. Builders and deserters: students, state and community in Leningrad, 1917-1941. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 1999.
115. Konecny P. Conflict and Community at Leningrad State University: 1917-1941. Thesis (Ph.D.). University of Toronto, 1994.
116. Watson G. Education in Soviet Russia // Social Research. September 1937. Vol. 4. No. 3. P. 361-369.

Приложения

Приложение 1. Письмо проф. А.Н. Самойловича ректору Первого Петроградского университета проф. А.А. Иванову. 23 сентября 1919 г. (ОР РНБ. Ф. 671. Ед. хр. 3. Л. 1-1 об.)

Ректору Первого Петроградского Университета
от проф. А.Н. Самойловича

Срочное заявление.

В ответ на полученное мною сегодня в 7 ч. утра сообщение Ваше касательно моей явки для исполнения трудовой повинности 23-24 сентября, вынужден заявить, что таковую я исполнял 20 и 22 сентября, в чем имеется две моих росписи у представителей Компроса, наблюдавших за исполнением повинности на Колтовской наб. против завода «Вулкан». Иначе как издевательством над ученым персоналом Университета нельзя назвать поведение Канцелярии Совета, которая 1) не оповестила участников II смены, в которой я состоял, об явке к исполнению повинности;

2) привлекла меня к исполнению повинности вторично;

3) оставила без внимания мое устное заявление помощнику Секретаря 22 сентября о том, чтобы меня не привлекали ко вторичному исполнению повинности, о чем я узнал заранее случайно.

Я во-время отбыл свою повинность во I-ой смене только потому, что лично справился о днях и месте работы этой смены.

Назначенная Компросом «Тройка» должна быть поставлена в известность относительно вышеописанного поведения Канцелярии.

Я же прошу сделать зависящее от Вас, Ректор, распоряжение о том, чтобы завтра в 7 ч. утра меня снова не тревожили несвоевременными приглашениями на работу, которую я уже исполнил.

А. Самойлович.

23 сент. 1919 г.

**Приложение 2. Письмо бывшей студентки III курса ФОНа ЛГУ
М.А. Кнак уполномоченному Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленин-
града В.В. Покровскому с просьбой восстановить ее в правах студента, и
сопутствующие документы. Ноябрь-декабрь 1924 г. (ЦГА СПб. Ф. 2556.
Оп. 11Секр. Д. 5. Л. 102, 106, 107).**

9 Декабря 1924 г.

Лично. Секретно.

№81

Секретарю по учебной части Университета Тов. НАЧИНКИНУ.

Препровождая при сем заявление студ. III курса ФОН-а М.А. КНАК, прошу
дать Ваше заключение.

Секретарь

В Губпрофобр тов. Покров-
скому

исключ. студ. Л.Г.У. ПР[авового]О[тделения] III к. Ф.О.Н.

Марии Александровны Кнак

Заявление.

Тов. Покровский! Прошу Вашей защиты против минимальной комиссии
Университета, по постановлению которой от 1го ноября 24 года я считаюсь
уволенной, прошу восстановить меня в правах студента Л.Г.У.

У меня не сдано 3 экзамена. Учиться всего осталось 6 месяцев т.к. весной я
должна кончать. Не сданы потому, что была арестована в дни сессии. Аре-
стована совершенно случайно, по недоразумению, о чем университет всегда
имеет возможность справиться в Губпрокуратуре.

19 сентября я вернулась из отпуска, с 23 по 28 сен Университет не работал
вследствие наводнения. 29 сентября я была арестована и 18 [октября] выпу-
щена после первого допроса за ненахождением обвинения. По освобождении
неоднократно обращалась с просьбой разрешить держать экзамены, акаде-
мич. секция отвечала, что может разрешить держать только минимальная ко-

миссия. Минимальная же комиссия считает причину неуважительной, когда по существу это было так.

Прошу рассмотреть мое дело, прошу дать мне возможность кончить университет, т.к. факт ареста является для меня совершенно компрометирующим [слово неразборчиво], что он был произведен по ошибке, и если б была виновата, [слово неразборчиво] ж была бы выпущена – он только мне помешал сдать экзамены, за что теперь я считаюсь выгнанной из Университета.

27 ноября 24 г.

Кнак.

Секретно.

Заключение.

Кнак является активным антисоветским элементом, ввиду чего колл-в Уни-
та считает правильным ее исключение, тем более академически она не актив-
на, – восстановить ее, по мнению колл-ва, никоим образом не возможно.

19-22/X11-24 Пр. Колл-ва – [подп. В.Н. Никитин]

Приложение 3. Протоколы заседаний Бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ 4 и 6 января 1926 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 2-3, 6-6 об.).

Выделение наше.

ПРОТОКОЛ №12.

Заседания бюро кол-ва ВКП(б) Л.Г.У., от 4 января 1926 года.

<...>

СЛУШАЛИ:

Тов. ШИШАКОВА:

Сегодня, по поручению бюро кол-ва, обратилась к зав. Орг. Отделом РК тов. АБРАМЗОН, с просьбой о разрешении созвать собрание кол-ва. В этой просьбе был дан отказ, мотивированный тем, что имеется постановление ЦК ВКП(б) от 1 января 1926 года, запрещающее всякие дискуссии. При этом т. АБРАМЗОН заявил, что если наметятся инициаторы по созыву собрания к-ва, таковые должны быть немедленно переданы в Контрольную Комиссию.

Т. НИКИТИН: Говорит, что в виду отказа Райкома, необходимо обратиться в Губком за разрешением созыва собрания.

Т. ДРОЗД: Помимо Райкома созывать собрание недопустимо. Если Райком не прав и надо будет принять меры, то ЦК привлечет РК к ответственности. Помимо парторганизации анархическим путем действовать нельзя.

ПАЛЬВАДРЕ: Мало подчиняться постановлениям Съезда, надо признать его постановления правильными. Этого оппозицией еще не сделано. У нас не будет нарушения партдисциплины, если будет самотеком созвано собрание коллектива. Нашему коллективу нужно изменить резолюцию, принятую по докладу о XXII-й Губпартконференции. Также надо в коллективе рассмотреть обращение XIV-го Съезда к Ленинградской организации.

НОТМАН: Я признаю резолюцию XIV Съезда правильной, за исключением двух моментов в ней, но я безоговорочно подчиняюсь всем решениям Съезда.

ШАТРОВСКИЙ: Надо обсуждать вопрос о созыве собрания, а не дискутировать.

КРАУЗЕ: Дискуссий развивать мы не хотим, но мы должны сказать, принимаем мы обращение Съезда или нет.

ГАЙЦХОКИ: Обсуждать поведение делегации на Съезде нельзя, т.к. делегации уже нет. Ставить же в порядок дня собрания итоги Съезда также нельзя сейчас, надо итоги Съезда изучать в общем плановом порядке.

НИКИТИН: Эти два вопроса – о поведении Ленинградской делегации и об итогах XIV Съезда, связаны между собою неразрывно. Все же независимо от того, какой вопрос мы поставим в порядок дня, собрание созывать нужно.

БАХМУТОВ: Мы на обращение Съезда до сих пор не ответили, что же мы в воздухе разве болтаемся? Собрание кол-ва созвать необходимо.

КОЧЕРГИН: Бюро коллектива должно высказать свое мнение по обращению Съезда к Ленинградской организации и вынести его на собрание кол-ва.

ПАЛЬВАДРЕ: Несмотря на то, что Съезд уже кончился, все же мы должны сказать свое мнение по поводу обращения Съезда.

ЛЕВИТ: Что мы несколько опоздали с собранием – это факт, но все же собраться мы должны. Наше собрание пойдет не в разрез с решением Съезда и явится поддержкой ЦК. Мы видим, что несмотря на окончание Съезда, в Ленинграде снимаются с ответственной работы товарищи, стоящие на точке зрения Съезда.

ПРЕЗЕНТ: После резолюции Съезда после отчета ЦК были непартийные выступления в Ленинградской Правде /Передовица от 26/XII/. Мы должны как-то реагировать на обращение Съезда. Поскольку РК нам не разрешает собраться, мы должны апеллировать дальше. Мы знаем заявления оппозиции, что она подчиняется решениям Съезда, но о признании своих ошибок, она не заявляет. Я предлагаю: признать обращение Съезда правильным и призвать собрание коллектива к этому присоединиться. Прежнюю резолюцию коллектива по докладу о XXII-й Губпартконференции считать неправильной, вызванной неясностью положения.

ДРОЗД: Ответить на обращение Съезда коллектив должен, но созвать собрание лишь с согласия соответствующих парторганов.

ПОСТАНОВИЛИ:

1/ Ввиду того, что созыв собрания кол-ва В.О. Райкомом не разрешен, обратиться в Ленинградский Губком ВКП(б) с просьбой разрешить созвать собрание кол-ва. По этому вопросу командировать в Губком т.т. НИКИТИНА и ПАЛЬВАДРЕ.

2/ В повестку дня собрания коллектива поставить "Обращение XIV-го Съезда к Ленинградской организации". Просить Губком выделить по этому вопросу докладчика.

3/ Бюро кол-ва ВКП(б) Ленинградского Государственного Университета, считает все решения XIV-го Съезда партии безоговорочно правильными и полностью их поддерживает.

4/ Бюро коллектива считает безусловно правильным обращение XIV-го Съезда к Ленинградской организации ВКП(б).

5/ Созвать заседание бюро коллектива, совместно с активом на 6/1-1926 года в 11 часов утра по вопросу о согласовании с Губкомом созыва собрания колл-ва.

Настоящее постановление бюро кол-ва направить в редакцию Ленинградской Правды.

ПРОТОКОЛ №13

Заседания бюро кол-ва ВКП(б) ЛГУ совместно с активными работниками кол-ва от 6 января 1926 года.

<...>

СЛУШАЛИ

1. Обращение XIV Съезда партии к Ленинградской организации ВКП(б) – тов. НИКИТИН.

Зачитываются две резолюции.

2-ая резолюция:

"Присоединяясь к постановлениям XIV Съезда партии, считаем необходимым полное и безоговорочное проведение их в жизнь. Всякая дискуссия по вопросам парт. съезда недопустима. Недопустимы и нападки на меньшинство съезда и Ленинградскую делегацию.

Да здравствует единство партии на основе решений XIV съезда.

Да здравствует единство Ленинградской организации."

Резолюция голосуется за основу: за первую резолюцию – 29 чел.

за вторую – 9 гол.

Первая резолюция голосуется в целом: за – 29, против – нет, возд. – 9.

ЦВИБАК – Я воздерживаюсь от голосования, т.к. считаю, что голосовать ни за, ни против этой резолюции нельзя, т.к. это противоречит постановлению ЦК от 1 января 1926 года.

ПАЛЬВАДРЕ – отвечая т. ЦВИБАКУ, говорит, что я не знаком с решением ЦК от 1 января, но считаю, что ответить на обращение съезда мы должны и каждый член партии имеет право определить свое отношение к постановлениям съезда.

Голосуется в целом 2-ая резолюция: за – 9, против – 29.

ПОСТАНОВИЛИ:

Собрание бюро кол-ва ВКП(б) Ленинградского Государственного Университета совместно с активными работниками, обсудив обращение XIV съезда партии к Ленинградской организации, заявляет:

1. Что оно целиком, полностью и безоговорочно считает все решения все-союзного съезда и обращение съезда к Ленинградской организации безусловно правильными и ленински-выдержанными.
2. Собрание категорически отмежевывается и осуждает поведение Ленинградской делегации на съезде, своим поведением, – постановкой особого доклада, – противопоставившей себя ЦК партии и съезда в целом.

3. Собрание заявляет, что ни делегация, ни представитель В.О. района /тов. ЖИТКОВ/, выступавший "с приветствием съезду от имени всего Района", не выражали и не выражают нашего мнения.
4. Мы категорически отмежевываемся и осуждаем постановление актива В.-О. района, пытавшееся ввести Съезд в заблуждение, что мнение этого собрания "является мнением всей нашей организации".
5. Собрание горячо приветствует новую редакцию "Ленинградской правды", взявшую и выдерживающую, не смотря на создавшуюся трудность работы – правильную, ленински-твердую линию.
6. Мы заявляем, что нам пришлось собраться помимо желания Райкома, пытавшегося не допустить выявить наше отношение к обращению съезда к Ленинградской организации. Мы протестуем против такой "внутрипартийной демократии".
7. Собрание актива поручает бюро в срочном порядке созвать общее собрание кол-ва для обсуждения обращения XIV съезда ВКП(б) к Ленинградской организации.
8. **Собрание приветствует новый ЦК ВКП(б) и требует твердого руководства и в деле ликвидации оппозиционных группировок Ленинской Коммунистической партии.**

Да здравствует единство стальной Ленинской партии!

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков)!

П.п. Председатель [подп. Никитин]

Секретарь [подп. Шишакова]